

281.9+92

ЖИТІЕ

ПРОТОЩОЦА АВВАКУМА

ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННОЕ.

ИЗДАНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. С. ТИХОНРАВОВА.

ИЗДАНИЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

1861.

360152

ЖИТЕ

ПРОТОКОЛЪ АВАРАШЕ

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Ценсуры печатать позволяется. Ноября 1 дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ Макарий.

261025

Аввакумъ протоповъ понужденъ бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ (понеже отецъ ему духовный иннокъ), да не забвенію предано будетъ дѣло божіе, и сего ради понужденъ бысть отцемъ духовнымъ, на славу Христу Богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице! Боже и Содѣтелю всего міра посипши и направи сердце мое начати съ разумомъ и кончити дѣлы благими, яже нынѣ хочу глаголати азъ недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже отъ Тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судищи десныя Ти страны причастникъ буду со всѣми избранными твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ отъ сердца, и язы-

комъ возглаголю Діонисія Ареопагита о божественныхъ именѣхъ, что есть Богу присносущныя имена, истинныя, еже есть близостныя—и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть сущія: *Сый, Святъ, Истина, Животъ*, только четыре свойственныхъ; а виновныхъ много, сія суть: *Господь, Вседержитель, Непостижимъ, Неприступенъ, Трисіяненъ, Трѣипостасенъ, Царь славы Непостояненъ, Онь, Духъ, Богъ* и проч. По тому разумѣвай того же Діонисія о истинѣ: «себѣ бо отверженіе истины испаденіе есть, истина бо сущее есть». Аще бо истина сущее есть, истинны испаденіе сущаго отверженіе есть (отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ и еже не быти нѣсть). Мы же речемъ: «Потеряли новолобцы существо божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа, святаго и животворящаго Духа», по Діонисію. Коли ужь истины испали, тутъ и сущаго отверглися. Богъ же отъ существа своего испасти не можетъ и еже не быти,—нѣсть того въ немъ: присносущенъ истинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ въ символѣ вѣры не глаголати *Господа* винословнаго имени, нежели «*истиннаго*»

отсѣкати, въ немъ же существо божіе содержитсяъ. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ съ Отцемъ и Сыномъ покланяемаго, за него же страждемъ и умираемъ помощію Его владычнюю. Тѣшитъ насъ Діонисій Ареопагитъ; въ книгѣ его сице пишетъ: «сей убо есть во истину истинный христіанинъ, зане истиннаго разумѣвъ Христа и тѣмъ благоразумія стяжавъ, изступивъ убо себе, не сый въ мірскомъ ихъ правѣ и прелести; себя же вѣсть трезвѣща и измѣнена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдствующе истины ради, но и вѣдѣніемъ скончавающесе всегда, разумно же живущіи христіане суть свидѣтельствуемы». Сей Діонисій наученъ вѣрѣ христовѣ отъ Павла апостола, живый во Аѳинѣхъ, прежде даже не приити въ вѣру христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Тимофею пишетъ въ книгѣ своей, сице глаголя: «дитя! али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядь ни-

чтоже суть, но токмо прелесть и тьма и пагуба? Азь проидохъ дѣломъ и ничто же обрѣтохъ, но токмо тщету». Чтый да разумѣтъ: исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не пріяша, во еже спастися имъ; и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимуть невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи о неправдѣ. Чти Апостоль, зачало 275. Сей Діонисій еще не пріидохъ въ вѣру христову съ ученикомъ своимъ; во время распятія господня, бывъ въ Солнечномъ градѣ, и видѣвъ: солнце во тьму преложися и луна въ кровь, звѣзды въ полудне на небеси явились чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: «или кончина вѣку пріиде, или Богъ Слово плотію страждеть;» понеже не по обычаю тварь видѣ измѣненну и сего ради бысть въ недоумѣніи. Той же Діонисій пишетъ о солнечномъ знаменіи, когда затмится: «есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлахъ, яко же и прочіи звѣзды, но обтекають по всему небу, знаменія творя, или во

гнѣвъ, или въ милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ подь солнце отъ запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ божій къ людямъ бываетъ; егда же бываетъ—отъ востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествиѣ творяще закрываетъ солнце.» А въ нашей Россіи бысть знаменіе: солнце затмилось во 162 году предъ моромъ за мѣсяць или меньше. Плывъ Волгою рѣкою архіепископъ Сумеонъ сибирскій и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ: часа съ три, плачучи, у берега стояли; солнце померче, отъ запада луна подтекала; по Діонисію, являше Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казиль и законы церковные, и сего ради Богъ изліялъ фіаль гнѣва ярости своей на русскую землю. Зѣло моръ великъ былъ; нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Потомъ, минувъ годовъ съ 14—ть, въ другой рядъ затменіе солнцу было. Въ Петровъ постъ въ пятокъ въ часъ 6—й тьма бысть, солнце померче, луна подтекала отъ запада, гнѣвъ божій являя: и прото-

попа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти и на утрени (*) въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣваетъ, что дѣлается въ землѣ нашей за нестроеніе церковное. Говорить о томъ полно: въ день вѣка познано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣсть.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Ісусѣ Навинѣ во Израили. «Егда Ісусъ съкїи иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полдень. Ста Ісусъ крестообразно, сирѣчь распротрѣ руцѣ свои; и ста солнечное теченіе, дондеже враги погуби; возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь на западъ отбѣжало и паки потече; и бысть во дни томъ и въ нощи 34 часа, понеже въ 10 часѣ отбѣжало, такъ въ суткахъ 10 часовъ прибыло. И при Езекии царѣ бысть знаменіе: оттече солнце вспять во второй надесять часѣ дня и бысть во дни и въ нощи 36 часовъ.» Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣешь.

(*) По другому списку: *на Угръшу.*

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ, росписуетъ, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляя 9-ть чиновъ на три Троицы. — Престоли, Херувими и Серафими освященіе отъ Бога приѣмлють и сице восклицаютъ: «Благословенна слава отъ мѣста господня!» и чрезъ сихъ переходитъ освященіе на 2-ю Троицу, еже есть Господства, Начала, Власти. Сія Троица, славословя Бога, восклицаетъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія!» по алфавиту: *аль* Отцу, *аль* Сыну, *аль* Духу Святому. Григорій Нисскій толкуетъ: аллилуія — хвала Богу; а Василиій Великій пишетъ: «аллилуія — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: Слава Тебѣ, Боже!» До Василія пояху въ церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія! Егда же бысть Василій, и повелѣ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третью человѣческую сице: аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской бляди. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да

будеть проклять сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третья Троица: Силы, Архангелы, Ангелы, чрезъ среднюю Троицу освященіе приѣмля, поють: Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣъ, исполнь небо и земля славы Его! Три тричисленно и сіе воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи: явилася ученику Евфросина псковскаго, именемъ Василию. Велика во аллилуіи хвала Богу, а отъ зломудрствующихъ досада велика. — По Римски святую Троицу въ четверицу глаголють, Духу и отъ Сына исхожденіе являютъ, еже и проклято се мурованіе Богомъ и святыми; правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго о Христь Ісусъ, Господъ нашемъ, Ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Аѳанасій Великій рече: «иже аще кто хочетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическая вѣра, еяже, аще кто цѣлы и непорочны не соблюдетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣраже каѳолическая сія есть: да будетъ, Бога въ Троицѣ и Троицу въ единицѣ почитаемъ, ниже сливающе со-

ставы, ниже раздѣляюще существо. Инъ бо есть составъ Отець, инъ Сыновень, инъ Святаго Духа; но Отчее и Сыновнее и Святаго Духа едино божество, равна сила, соприсносущно величество: яковъ Отець таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святыи; вѣченъ Отець, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святыи; несозданъ Отець, несозданъ Сынъ, несозданъ и Духъ Святыи. Не три Бози, но единъ Богъ; не три созданіи, но единъ несозданныи, единъ вѣчныи. Подобне: вседержитель Отець, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святыи; равно непостижимъ Отець, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святыи: обаче не три вседержители, но единъ Вседержитель; не три непостижиміи, но единъ непостижимый, единъ присносущныи. И въ сей святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее; ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе; обще же есть божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати о вочеловѣченіи Бога Слова къ вашему спасенію). За благость щедротъ

излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ,—Слово божіе, въ дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало и, воплотився отъ Духа свята и Маріи дѣвы вочеловѣчлься, насъ ради пострадалъ, воскресе въ третій день, и на небо вознесся, и сѣде одесную величества на высокихъ, и хоцетъ паки пріити судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Егоже царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Бозъ бысть прежде, даже не создатися Адаму; прежде даже не вообразитися (совѣтъ Отець), рече Отець Сынови: «Сотворимъ чловѣка по образу нашему и по подобію.» И отвѣща другій: «Сотворимъ, Отче!» И приступи убо и паки рече: «О единородный Мой! о святе Мой! о Сыне и Слове! о сіяніе славы моя! аще промышляеши созданиємъ своимъ, подобаеть Ти облещися въ тлимаго чловѣка, подобаеть Ти по землѣ ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити.» И отвѣща другій: «Буди, Отче, воля Твоя.» И по семъ создася Адамъ». Аще хоцещи пространно разумѣти, чти Маргаритъ, слово о вочеловѣченіи: тамъ обрящещи. Азъ кратко помянуль, смотрѣніе показуя.

Сиде всякъ вѣруай не постыдится; а невѣруай осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Аѳанасію. Сиде азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сиде исповѣдую, съ симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое въ нижегородскихъ предѣлахъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ ми бысть священникъ Петръ, мати Марія, инока Марѳа. Отецъ же мой прилежаше питія хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Азъ же нѣкогда видѣхъ у сосѣда скотину умершу и, той ноци возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть; и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся ноци молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, и я осиротѣлъ молодъ, и отъ своихъ соплеменниковъ во изгнаніи быхомъ. Изволила же мати моя меня женить. Азъ же пресвятѣй Богородицѣ молихся, да дастъ ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица, сиротина жъ, безпрестанно обыкла ходити въ церковь, имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ ку-

нецъ Марко, богатъ гораздо и, егда умре, послѣ его все истощилось. Она же въ скудости живяше и моляшеса Богу, даже сочетаетсяъ за меня совокупленіемъ брачнымъ; и бысть по волѣ божіей тако. По семъ мати моя отшедъ къ Богу въ подвизѣ велицѣ. Азъ же отъ изгнанія преселихся во ино мѣсто, рукоположенъ во діаконы 20 лѣтъ съ годомъ, и по дву лѣтѣхъ въ попы поставленъ. Живый въ попѣхъ 8 лѣтъ, и потомъ совершенъ въ протопопы православными епископы, тому 20 лѣтъ минуло; а всего 30 лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много: по се время сотъ съ пять или съ шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣшнѣйшій, прилежа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градомъ и селомъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча слову божію, годовъ будетъ тому съ полтредьятцать. Егда еще былъ въ попѣхъ, прииде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхами обремененна, блудному дѣлу (и малакии всякой) повинна, нача

миѣ, плакавшия, подробну возвѣщати въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же трекокаян-ный и врачъ самъ разболѣлся, внутрь жгомъ огнемъ блуднымъ, и горько бысть миѣ въ той часъ: зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, довдеже во миѣ угасло злое разженіе, и отпуста дѣвицу, сложа ризы, помоляся, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ въ свою избу, плакався предъ образомъ господнимъ, яко и очи опухли; и моляся прилежно, да отлучить мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ, понеже бремя тяжело, неудобъ носимо. И падохъ на землю на лицѣ своемъ, рыдаше горьцѣ; и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачу. А очи сердечниі при рѣкѣ Волгѣ; вижу: плывуть стройно два корабля златы и веслы на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на нихъ сидѣльцевъ; и я спросилъ: «чіе корабли?» а они отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентьевъ». Сіи быша ми духовниі дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія и скончались богоугодно. А се потомъ ви-

жу: третій корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, красно и бѣло, и сине, и черно и пенелно, егоже умъ челоувѣчь не вмѣсти красоты его и доброты. Юноша свѣтель, на кормѣ сидя, прави, и я вскричалъ: «чей корабль»? и сидяй на немъ отвѣщаль: «твой корабль; доплывай на немъ съ женою и дѣтьми, коли докучаешь». И я, вострепетавъ и съдше, разсуждаю: что се видимое и что будетъ плаваніе?

А се по малѣ времени, — по писанному, — обьяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя; скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочь, и азъ молихъ его, даже сиротину возвратитъ къ матери; и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бури: у церкви пришедъ сонмъ, до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчася и больше, и паки оживе божимъ мановеніемъ, и онъ устрашился, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволь: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, и я молитву въ то время говорю.

Таже инъ начальникъ во ино время на мя раз-

свирепѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песь, зубами; и егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечерни; и, егда шель путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки съ двѣма малыми пищалями и, близъ меня бывъ, запалилъ изъ пистола и божіею волею на полкъ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила. Онъ же бросился на землю, и изъ другія паки запалилъ также, и божія воля учинила также: и та пищаль не стрѣляла. Азъ, прилежно идучи, молюсь Богу, единою рукою осянилъ его и поклонился ему; онъ меня лаесть, а я ему рекъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!» По семь дворъ у меня отнялъ и меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ тоже время родился сынъ мой Прокопій, который сидитъ съ матерію въ землѣ закопанъ. Азъ же, взявъ ключку, а мати некрещеннаго младенца, побрели, аможе Богъ наставитъ и на пути крестили якоже Филищъ кажен-

ника древле. Егда же азъ прибрелъ къ Москвѣ, къ духовнику, протопопу Стефану и къ Неронову протопопу Юанну, они же обо мнѣ царю возвѣстиша, и государь меня почаль съ тѣхъ поръ знати. Отцы же грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился: ано и стѣны раззорены моихъ хранинъ и я паки завелся, и діаволъ паки воздвигъ на меня бурю.

Придоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня *Василій Петровичъ Шереметьевъ*, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взявъ на судно и браня много и велѣвъ благословить сына своего Матвѣя, *брадобрица*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя *блудноносный* образъ. Боляринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня: у царя на сѣняхъ прощались, а брату моему

меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строить своя люди.

360452
На первое возвратимся. Таже инъ начальникъ на мя разсвирепѣлъ: пріѣхаль съ людьми ко двору моему, стрѣляль изъ луковъ и изъ пища-лей съ приступомъ; и азъ въ то время молился съ воплемъ ко Владыкѣ: «Господи! укроти его и примири, имиже вѣси, судьбами». И побѣжалъ отъ двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Таже въ ночь ту прибѣжали отъ него и зовутъ меня со многими слезами: «Батюшко! Евфимій Степановичъ при кончинѣ и кричить неудобно, бьетъ себя и охаеть, а самъ говорить: «дайте мнѣ батъки Аввакума, за него Богъ меня наказуетъ». И я чаялъ, меня обманываютъ: ужасеся духъ мой во мнѣ и се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, извѣдый мя изъ чрева матери моя и отъ небытія въ бытіе устроилъ: аще меня задуютъ и ты причти мя съ Филишомъ, митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти мя съ Захаріею пророкомъ; аще въ воду посадятъ, и Ты яко, Стефана перваго, наки освободиши мя!» И моляся прѣхаль въ домъ къ нему, Евфи-

мію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена его Неонила и ухватила меня подъ руку и сама говоритъ: «Подитко, государь нашъ батюшко! Подитко, свѣтъ нашъ кормилецъ!» И я супротивъ того: «Чудно! давеча былъ блядинъ сынъ, а тепереча батюшко; больше у Христа того остра шелануга та; скоро повинился мужъ твой.» Ввела меня въ горницу, вскочилъ съ перины Евфимій, палъ предъ ногами моими, вопить неизрѣченно: «прости государь! согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою»; а самъ дрожить весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредъ цѣль быти?» Онъ же лежа отвѣща: «ей! честный отче!» и я рекъ: «возстани, Богъ проститъ тя». Онъ же наказанъ гораздо, не могъ самъ возстати и я поднялъ и положилъ его на постель, и исповѣдалъ и масломъ священнымъ помазалъ и бысть здравъ. Такъ Христось изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно въ домъ мой и съ женою быша ми дѣти духовные, изрядны рабы христовы. Такъ то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

По малѣ цаки иныи изгнаша мя отъ мѣста то-

го въ другой рядъ. Азъ же сволокся къ Москвѣ и божіею волею государь меня велѣлъ въ протопоны поставить въ Юрьевцѣ повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволь научилъ поновъ, и мужиковъ и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа (собраніемъ челоуѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было); среди улицы били батожемъ и топтали, и бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголь. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворышко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людѣ же ко двору преступаютъ и по граду молва велика, наипаче же поны и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вопять: «убить вора, блядина сына да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ». — Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ; на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопоны же Данила изгнали. Охъ горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану пока-

зался; и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословиться ночью, меня увидѣлъ тутъ; — опять кручина: На что де городъ покинулъ? И жена, и дѣти и домочадцы челоуѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались невѣдомо живы, невѣдомо прибиты, — тутъ наки горе!

По семь *Никонъ, другъ нашъ*, привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита, и прежде его пріѣзду духовникъ Стефанъ, моля Бога и постясь седмицу съ братією и я съ ними тутъ же о патріархѣ, даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ и съ митрополитомъ казанскимъ, написавъ челобитную за руками подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Онъ же, не восхотѣвъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ и пишетъ къ нему посланіе на встрѣчу: «Преосвященному митрополиту Никону, новгородскому и великолуцкому и всея Россіи радоватися и прочая». Егда же пріѣхалъ, съ нами яко лисъ, челомъ да здорово: вѣдаетъ, что

быть ему въ патриархахъ и чтобъ откуля помѣшка какова не учинилось. Много о тѣхъ козняхъ говорить. Егда поставили патриархомъ, такъ друзей не сталь и въ крестовую пускать и сей ядъ отрыгнуть.

— Въ постъ великій прислалъ память къ казанской къ Неронову Іоанну. (А мнѣ отецъ духовный былъ, я у него все и жилъ въ церкви; егда куда отлучится, азъ вѣдаю церковь; и къ мѣсту говорили на дворецъ къ Спасу на Силино покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у меня радѣніе худо было: любо мнѣ у Казанскія, то и держался: чель народу книги, много людей приходило). Въ памяти Никонъ пишетъ годъ, число «по преданію святыхъ Апостоль и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и тремя персты бы крестились». Мы же задумалися, сошедшия между собою: видимъ, яко зима хоцетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ

образа гласъ бысть во время молитвы: «время приспѣ страданія, подобаеть вамъ неослабно страдати». Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ таже коломенскому епископу Павлу, егоже Никонъ напо лѣдокъ огнемъ жжегъ въ новгородскихъ предѣлѣхъ, потомъ Данилу, костромскому протопопу, таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Даниломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстѣ и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ; мнитъ ми ся, Никону отдалъ. Послѣ того векорѣ схвативъ Никонъ Данила въ монастырѣ за тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку, ругая, отвель въ Чудовъ въ хлѣбню и, муча много, сослалъ въ Астрахань; вѣнецъ терновъ на главу тамъ ему возложили, въ земляной тюрмѣ уморили. Послѣ Данилова стриженья взяли другаго Темниковскаго Данила же протопопа и посадили въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. Таже съ протопопа Неронова Ивана въ церкви скуфью снялъ и посадилъ въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ сослалъ на Вологду въ Спасовъ Каменный мо-

настырь, потомъ въ Кольскій острогъ и на по-
слѣдокъ по многомъ страданіи, изнемогъ бѣд-
ный: принялъ три перста да такъ и умеръ. Охъ
горе! Всякъ мняйся стояти да блюдется, да ся
не падеть: люто время, по реченному Госпо-
демъ, аще возможно духу антихристову прель-
стити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко мо-
литися Богу, да спасеть и помилуетъ насъ, яко
благъ и человеколюбець. Таже меня взяли отъ
всенощнаго Борисъ Нелединскій со стрѣльцами,
человѣкъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ
въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ
на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало
въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу
и растянули руки и везли отъ патріархова дво-
ра до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи
кинули въ темную палатку, ушла въ землю, и
сидѣлъ три дня, не ѣлъ не пилъ во тьмѣ, сидя,
кланяся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю
на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо
мышы и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ до-
вольно. Бысть же я въ третій день прилченъ,
сирѣчь ѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста пре-

до мною не вѣмъ ангель, не вѣмъ чловѣкъ, — и по се время не знаю, — токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпю къ лавкѣ привелъ, и посадилъ и ложку въ руки далъ хлѣбца немножко и щецъ далъ похлевать, зѣло превкусны хороши, и рекъ мнѣ: «полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію». Да и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только чловѣкъ а что же ангель? ино нечему дивиться, вездѣ ему не загорожено. На утро архимандрить съ братією пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ начальъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ, и подъ бока толкають, и за чепъ торгають, и въ глаза плюють. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ въ обѣдню; во время переноса

свѣтъ патріархъ со главы у архидіакона дискось и поставилъ на престолъ съ тѣломъ христовымъ и съ чашею. Архимандритъ чудовскій Ѳерапонтъ виѣ олтаря при дверяхъ царскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣла христова пуще жидовскаго дѣйства! Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ олтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ олтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискось, будто воздухъ. И въ то время и царица въ церкви была. На Логина возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до богоявленскаго монастыря, и кинули въ палатку ночью и стрѣльцовъ на караулѣ поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ въ ту ночь шубу новую да шапку далъ; а на утро Никону сказали и онъ, разсмѣявся, говоритъ: «Знаю су я пустосвятость тѣхъ»; — и шапку у него отнял а шубу у него оставилъ.

По семь наки меня изъ монастыря водили пѣ-

шаго на патріарховъ дворъ; также, руки расте-
вя, и стязався много со мною, паки также от-
вели. Тоже въ Никитинъ день ходъ со кресты,
а меня паки на телегѣ везли противъ крестовъ.
И привезли къ соборной церкви стричь, и дер-
жали въ обѣдню на порогѣ долго. Государь съ
мѣста сошелъ и, приступя къ патріарху, упро-
силъ не стричь: и отвели въ сибирской приказъ,
и отдали діаку Третьяку Башмакову, что нынѣ
страждеть же по Христвѣ — старецъ Савватій, си-
дитъ на Новомъ, въ земляной же тюрьмѣ: спаси
его, Господи! и тогда дѣлалъ мнѣ добро. Таже
послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми, и
колько дорогою нужды бысть, того всего мно-
го говорить, развѣ малая часть помянуть. Про-
топопица младенца родила, больную въ телегѣ
и повезли до Тобольска; 3000 верстъ недѣль
съ тринадцать волокли телѣгами и водою, и
саньми половину пути.

Архіепископъ въ Тобольскѣ къ мѣсту устроилъ
меня. Тутъ у церкви великія бѣды постигоша
меня: въ полтора года пять словъ государевыхъ
сказывали на меня, и единъ нѣкто архіепископ-

ля двора Дьякъ Иванъ Струна, тотъ и душею моею потрясъ. Съѣхалъ архіепископъ къ Москвѣ, а онъ безъ него дьявольскимъ наученьемъ напалъ на меня: церкви моя дьяка Антона мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инъ день прииде ко мнѣ въ церковь, — и я вечерню пою, — и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на клиросѣ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и никого не пустилъ; одинъ онъ Струна вертится, что бѣсъ; и я, покиня вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и, за церковный мятежь, постегалъ его ремнемъ нарочито таки; а прочіи чловѣкъ съ двадцать вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе отъ Струны принявъ, паки отпустилъ его къ себѣ. Сродницы же Струнины, попы и чернецы весь возмутили градъ, да како меня погубятъ. И въ полунощи привезли сани ко двору моему, ломились въ избу, хотя меня взять и въ воду свезти: и божьимъ страхомъ отгнаны быша и побѣгоша вспять. Мучился я

съ мѣсяць отъ нихъ, бѣгаючи втай; иное въ церкви ночью, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился, — ино не пустятъ. Провожалъ меня много Матвѣй Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ въ черницахъ, а послѣ на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ; въ соборной церкви съ діакономъ Аѳанасіемъ меня стригъ: тогда добръ былъ, а нынѣ діаволь поглотилъ его. Потомъ пріѣхалъ архіепископъ съ Москвы и правильною виною его Струну на цѣпь посадилъ за сіе. Нѣкій человекъ съ дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ и онъ, Струна, полтину взявъ, и не наказавъ мужика, отпустилъ. И владыка его сковать приказалъ и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ же Струна ушелъ къ воеводамъ въ приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Воеводы отдали его сыну боярскому лучшему, Петру Бекетову за приставъ. Увы! погибель пришла на дворъ Петру, аще и души моеѣ горе тутъ есть. Подумавъ архіепископъ со мною, но правиламъ за вину кровосмѣшенія сталъ Струну проклинать въ недѣлю православія въ церкви большой. Той же Бекетовъ Петръ, пришедъ

въ церковь, браня архієпископа и меня, и въ той часъ изъ церкви пошедь, и сбѣсился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертію злѣ. И мы со владыкою приказали тѣло его среди улицы собакамъ бросить, даже граждане оплачуть его согрѣшеніе; и сами три дня прилежише стужали Божеству, даже въ день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струну, такову пагубу себѣ пріялъ, а по тріехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно того плачевнаго дѣла говорить!

По семь указъ пришелъ: велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что браню отъ писанія и укоряю ересь Никонову. Въ тоже время пришла съ Москвы граматка: два брата жили у царицы вверху и оба умерли въ моръ и съ женами и съ дѣтьми, и многіе друзья и сродницы померли; изліялъ Богъ на царство фіяль гнѣва своего. Да не узнались горюны, однако церковію мятуть. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю: «Три пагубы за церковный раздоръ: моръ, мечъ, раздѣленіе». То и сбылось во дни наша нынѣ; но милостивъ Господь: наказавъ

покаянія ради, и помируетъ насъ, прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и тѣлесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердія его и чаю воскресенія мертвыхъ.

Таже съѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми,—что выше сего рекохъ,—поѣхалъ на Лену. А какъ пріѣхалъ въ Енисейскъ, другой указъ пришелъ: велѣно въ Даурию везти, — двадцать тысячъ и больше будетъ отъ Москвы, — и отдать меня Аванасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человекъ и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человекъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ; и я его много уговаривалъ да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ буде въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурейю дощеникъ мой: совсѣмъ налил-ся среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребятъ кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи! спаси! Господи, помози!» И божіею волею прибило насъ къ берегу; много о томъ

говорить. На другомъ дощеникѣ двухъ человекъ сорвало и утонули въ водѣ. По семъ, оправаяся на берегу, и опять поѣхали впередъ. Егда пріѣхали на Шаманской порогъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы: одна лѣтъ во 60, а другая и больше, плвуть нострищисъ въ монастырь. А онъ Пашковъ сталъ ихъ ворочать и хочеть за мужъ отдать; а я ему сталъ говорить: «по правиламъ не подобаеть такихъ за мужъ давать». И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить; а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи». О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменной, яко стѣна стоитъ,—и поглядѣть, заламя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зми великіе; въ нихъ же витають гуси и утицы—періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же го-

рахъ гуляють звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбиваль меня Пашковъ со звѣрми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало: «Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещуть небесныя силы и вся тварь со чловѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь» и прочая. Тамъ многонько писано; и послалъ къ нему. А и бѣгутъ чловѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты съ три; стоялъ я, казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные, глядя, плачутъ на меня; жалѣють по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожитъ; началъ мнѣ говорить: «попъ или распопъ?» И азъ отвѣщаль: «Азъ есмь Аввакумъ, протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до меня?» Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекъ, таже по другой и паки въ голову и сбиль меня съ ногъ и, чешъ ухватя, лежачаго по

спинѣ ударилъ трижды и, разболочши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорю: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій! помогай миѣ. Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: «пощади». Ко всякому удару молитву говорилъ, да среди побой вскричалъ я къ нему: «полно бить то»; такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: «За что ты меня бьешь: знаешь ли?» И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и опустили: я задрожалъ да и упалъ; и онъ паки велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шель всю ночь, подъ капелью лежалъ; какъ били, такъ небожно было съ молитвою то; а, лежа, на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божій, попустилъ меня таково больно убить меня? я вѣдь за вдовы Твоя сталъ; кто дастъ судію между мною и Тобою? когда вѣровалъ, и ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ». Будто добрый человекъ, другой фарисей съ навозною рожей, со владыкой судиться захотѣлъ! Аще Ювъ и говорилъ такъ, да онъ праведенъ, непо-

рочень; а се и писанія не разумѣлъ, виѣ закона въ странѣ варварстѣй, отъ твари Бога позналъ. А я первое грѣшникъ, второе на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрѣпляемъ: «яко многими скорбьми подобаеть намъ вниити въ царство небесное»; а на такое безуміе пришелъ. Увы мнѣ! какъ дощеник — отъ въ воду не погрязъ со мною? Стало у меня въ тѣ поры кости тѣ щемить, и жилы тѣ тянуть, и сердце задрожалось, да и умирать сталь; воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнухъ да покаялся предъ Владыкою, и Господь свѣтъ милостивъ, не поминаеть нашихъ беззаконій первыхъ, покаянія ради: и опять не стало ничто болѣть.

На утро кинули меня въ лодку и на предъ повезли. Егда пріѣхали къ порогу самому большому Падуну, рѣка въ томъ мѣстѣ шириною съ версту, три заливка чрезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами что поплуетъ, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинуть кафтанишко просто; льеть вода по брюху и по спинѣ, — нужно было гораздо. Изъ лодки вы-

таща, по каменію скованна около порога тащили; грустно гораздо, да душъ добро: не пеняю уже на Бога. Въ другой рядъ на умъ пришли рѣчи, Пророкомъ и Апостоломъ рѣченныя: «сыне! не пренемай наказаніемъ господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ: Его же любитъ Богъ, того наказуетъ; бьетъ же всякаго сына, его же приемлетъ; аще наказанія терпите, тогда яко сынѡмъ обрѣтается вамъ Богъ; аще ли безъ наказанія приобщаетеся Ему, то выблудки, а не сынове есте». И сими рѣчьми тѣшилъ себя. По семъ привезли въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. Исидѣль до Филиппова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живеть да Богъ грѣль и безъ платья: что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ *скуфьею* билъ, — и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ, сина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣль на Пашкова кричать: «прости»; но воля божія возбранила, вѣлно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу, и я тутъ съ аманатами и съ собаками жилъ скованъ зиму

всю; а жена съ дѣтьми версть съ 20 была сослана отъ меня. Баба ее Ксенія мучила зиму ту всю лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ не великъ былъ, прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова рождества: и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: ночевалъ милой и замерзъ было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать; я его и не видалъ; — приволкъся къ матери, руки и ноги отзнобилъ.

На весну паки поѣхали впередъ. Запасу небольшое мѣсто осталось, а первой разграбленъ весь: и книги, и одежда и иная рухлядь отнята была; а иное осталось. На Байкаловѣ морѣ паки тонулъ; по Шилкѣ рѣкѣ заставилъ меня лямку тянуть: зѣло нуженъ ходъ ею былъ. И поѣсть было неколи нежели спать; лѣто цѣлое мучился отъ водяныя тяготы; люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами чрезъ волоки волочились. На той же Шилкѣ въ третій тонулъ: барку отъ берегу оторвало водою; людскія стоятъ, а мою ухватило да и понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ корм-

щикомъ помчало. Вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице! помози! Упованіе! не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше, да люди переняли; все размыло до крохи. Да что вѣдь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ изъ воды, смѣюсь, а люди тѣ плачутъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы атласныя и тафтяныя и кое какія бездѣлицы: тое много было еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, все съ тѣхъ мѣстъ перегнило. А Пашковъ опять меня же хочетъ бить: «Тыде надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ». И я паки свѣту Богородицѣ докучать: «Владычице! уйми дурака того!» Такъ она надежда уняла: сталъ по мнѣ тужить. Потомъ доѣхали до Иргея озера: волокъ тутъ, стали зимою волочиться; моихъ работниковъ отнялъ, а инымъ у меня наняться не велить, а дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому; одинъ бѣдный горемыка протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму волочился за волокъ. Весною на плотахъ

по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ, четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городской, стало нечего ѣсть, люди учали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни; рѣка мелкая, плоты тяжелыя, приставы немилостивыя, палки большіе, батоги суковатыя, кнуты острые, пытки жестокия, — огонь да встряска, — люди голодные: лишь стануть мучить, аю и умереть. Ахъ времени тому! — не знаю, какъ умъ отъ него отступилъ. У. протопопицы моеѣ однорядка московская была не изгнила: по русскому рубли съ полтретьядцать и больше, по тамошнему далъ намъ 4 мѣшка ржи за нея и мы годъ другой тянулися, на Нерчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебивающися: всѣ люди съ голоду перемориль, никуда не отпускаль промыслять, осталось небольшое мѣсто, по степямъ скитающеса, и по полямъ траву и кореніе копали, и мы съ ними же. А зимою сосну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей и, что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ; а иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисиць и, что по-

лучать, всякую скверну. Кобыла жеребенка родить, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съѣдятъ. А Пашковъ свѣдалъ, и кнутомъ до смерти забьетъ: и кобыла умерла, все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенка того вытащили изъ нея: лишь голову посявилъ, а онѣ и выдернули да почали черовъ скверную ѣсть. Охъ времени тому! и у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающа по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающа, кое какъ мучилися. И самъ я грѣшный волею и неволею причастникъ кобыльимъ и мертвечимъ сквернымъ и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душѣ! кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу, свою, юже азъ погубихъ житейскими сладостями? Но помогала намъ по Христѣ боляриня, воеводская сноха Евдокія Кириловна, да жена его Аѳанасьева Ѳекла Семеновна; онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его иногда приплюють кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется

четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудика накопить и передать, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребеть. Дочь моя, бѣдная горемыка Аграфена бродила втай къ ней подь окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка погонять отъ окна безъ вѣдома боярынина, а иногда и многонько притащить; тогда не велика была, а нынѣ ужь ей 27 годовъ; дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени съ меньшими сестрами перебиваяся кое какъ, плачучи, живутъ; а мать и братья въ землѣ закопаны сидятъ. Да что жь дѣлать? пускай горше мучатся всѣ ради Христа! быть тому за божіею помощію, на томъ положено и помучиться ради вѣры христовы. Любилъ протопопъ со славными знаться, любви же и терпѣть горемыка до конца; писано: «не начный блаженъ, но скончавый». Полно того: на первое возвратимся.

Было въ Даурской землѣ нужды великія годовъ 6 и 7, а во иные годы отрадило, а онъ, Аѳанасій, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ отъ себя двѣ вдовы, — сѣнныя его были, — Марья да

Софья, одержимы духомъ нечистымъ: ворожа и, колдуя много надъ ними, и видитъ, яко ничто же успѣваетъ; но паче молва бываетъ, зѣло жестоко бѣсъ ихъ мучить: бьются и кричатъ: Призваль меня и поклонился мнѣ, говоритъ: «пожалуй, возьми ихъ ты и попекися о нихъ, Бога моля; послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщаль: «Господине! выше мѣры прошеніе; но за молитвы святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ бѣдныхъ, простите. Во искуствѣ то на Руси бывало; человекъ три четыре бѣшенныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, а за молитвы святыхъ отецъ отхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Ісуса Христа, Сына Божія, свѣта: слезами и водою покроплю и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя христово, и сила божія изгоняше отъ человекъ бѣсы и здрави бываху, — не по достоинству моему, никакоже, но по вѣрѣ входящихъ. Древле благодать дѣйствовала осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ рысицею, при Сисиніи оленемъ: говорили человѣческимъ голосомъ; Богъ идѣже хочетъ,

побѣждается естества чинъ. Чти житіе Θεодора Эдесскаго; тамо обрѣщени: и блудница мертвого воскресила; въ Кормчей писано: «не всѣхъ Духъ Святыи рукополагаетъ, но всѣми кромѣ еретика дѣйствуетъ».

Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшенныхъ; я по обычаю самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы цѣлоумны и здравы стали; я ихъ исповѣдалъ и причастилъ; живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и домой нейдутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинились дочери духовныя; осердился на меня опять пуще стараго, хотѣлъ меня въ огнѣ сжечь: «ты де вывѣдываешь мои тайны». А какъ причастить, не исповѣдавъ? а не причастить бѣшеннаго, ано бѣса совершенно не отгонишь: бѣсъ отъ вѣдь не мужикъ—батого не боится, боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжить отъ тѣла Христова; я кромѣ сихъ тайнъ врачевать не умѣю; въ нашей православной вѣрѣ безъ исповѣди не причащаю; въ Римской вѣрѣ тво-

рять такъ, небрегутъ о исповѣди; а намъ, православіе блюдущимъ, не подобаетъ такъ, но на всяко время покаянія искати. Аще священника ради нужды не получишь, и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаяніе твое видѣвъ; и тогда съ правильцемъ причащайся святыхъ таинъ, держи при себѣ запасный Агнецъ. Аще въ пути или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, вздохня предъ Владыкою, и по-вышерѣченному ко брату исповѣдався, съ чистою совѣстію причастися святыни, такъ хорошо будетъ по постѣ и по правилѣ: на коробочку постели платочикъ и свѣчку зажги, и въ сосудцѣ водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тѣла христова съ молитвою въ воду на ложку положи кадилломъ вся покади; поплакавъ, глаголи молитву всю: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго» (писано въ чинѣ причащенія); потомъ падше на землю предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцѣлуй; и прекрестяся, съ молитвою причастися, и водицею запей и паки Богу

помолись:—«ну слава Христу!» хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо. Полно про то говорить, и сами знаете, что доброе добро.

Стану про бабъ говорить опять. Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ отъ меня, бранить меня вмѣсто благодаренія; онъ чаялъ: Христось просто положить; ино стали пуще и стараго бѣситься. Заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ; призвалъ къ нимъ чернаго попа, а онѣ его дровами бросаютъ,—и поволокся прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что; приступить ко двору не смѣю: больно сердить на меня; тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыть и напоить и имъ бѣднымъ легче стало: прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя христово масломъ, такъ опять далъ Богъ стали здоровы и опять домой пошли, да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молиться Богу. Изрядныя дѣтки стали, играть перестали и правильца держаться стали; на Москвѣ съ боярынею въ Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу!

Та же съ Нерчи рѣки паки назадъ возврати-

лись къ Русѣ; пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Миѣ подѣ робять и подѣ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопоница брѣли пѣшии, убивающися о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадыми итти не успѣемъ; голодные и томные люди; протопоница бѣдная бредеть, бредеть да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: «матушко государыня! прости!» а протопоница: «что ты, батько, меня задавилъ?» Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долголи муки сея, протопошъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна! до самыя смерти». Она, вздохня, отвѣчала «Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ».

Куточка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая; Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жаль миѣ курочки той, какъ на разумъ придеть. Ни курочка, ни то чу-

до было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублевъ при ней плюново дѣло! жалю! И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали, такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала; чтобъ—де батько пожаловаль, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры; молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропиль и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродиль, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропиль, да къ ней все отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ изцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племенн и наша курочка была, да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человекомъ и скотомъ благодѣтельствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна:

и скотинка и птичка во славу его пречистаго Владыки, еще и человекъ ради.

Таже повоклолись паки на Иргень озеро. Боярыня пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наѣлись. Кормилица моя была Евдокія Кириловна, а и съ нею діаволь сговорилъ сице: сынъ у нея былъ Сумеонъ, тамъ родился; я молитву давалъ и крестилъ, на всякъ день присылали ко мнѣ по благословеніе и я, крестомъ благословя и водою покропя, поцѣловавъ его, паки его отпущу: дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилось меня дома, занемогъ младенець. Смалодушничавъ она и осердясь на меня, послала ребенка къ шептуну мужику. Я, свѣдавъ, осердился же на нее и межъ нами прѣвелика стала быть; младенець пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батожки. Въ зазоръ пришла; не вѣдаетъ, что дѣлать, а Богъ пуще угнетаетъ. Ребеночекъ на кончину пришелъ; шѣстуны, ко мнѣ приходя, плачутъ, а я говорю: «коли баба лиха, живи же себѣ одна.» И ожидаю покаянія ея. Вижу, яко ожесточилъ діаволь сердце ея; припаль ко Владыкѣ, чтобы

образумился. Господь же премилостивый Богъ умягчилъ ниву сердца ея; прислала на утро сына средняго ко мнѣ Ивана: со слезами просить прощенія матери своей, ходя и кланяяся около печи моей; а я лежу подъ берестомъ нагъ на печи, а протопица въ печи, а дѣти кое гдѣ; въ дождь прилучилось; одежды не стало, а зимовье каплетъ: всяко мотаемся. И я, смирная, приказываю ей: «вели матери прощенія просить у Арееы колдуна.» Потомъ и больнаго принесла; велѣла больнаго предъ меня положить: и всѣ плачутъ и кланяются. Я су встала, добыла въ грязи патрахѣль и масло священное нашель; помоля Бога и покадя младенца, помазала масломъ и крестомъ благословила. Ребенокъ, Богъ далъ, и опять здоровъ сталъ съ рукою и съ ногою. Водой святою его напоила и къ матери послала. Виждь, слышателю, покаянiе матери коликую силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцѣлила. Чему быть? не сего дни кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы да пироговъ; а намъ то голоднымъ надобѣ, и съ тѣхъ мѣсть помирился.

Выѣхавъ изъ Дауръ, умерла маленькая на

Москвѣ, я и погребаль въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца, она ему сказала. Потомъ я къ нему пришелъ и онъ, поклоняся низенько мнѣ, а самъ говорилъ: «Спаси Богъ! отечески творишь, не помнишь нашего зла.» И въ то время пищи довольно прислалъ и опослѣ того вскорѣ хотѣлъ меня пытатъ, слушай за что. Пускалъ онъ сына своего Еремья въ мунгальское царство воеватъ, козаковъ съ нимъ 72 человекъ да иноземцевъ 20 человекъ; и заставилъ иноземца шаманить, сиречь гадать: удастся ли имъ и съ побѣдою ли будутъ домой. Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привелъ барана живаго въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать: вертя его много, и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ. И началъ скакать, и плясать, и бѣсовъ призывать и, много кричавъ, о землю ударился, и иѣна изо рта пошла; бѣсы давили его, а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣсы сказали: «съ побѣдою великою и съ богатствомъ большимъ будетъ назадъ.» И воеводы рады; и всѣ люди, радуясь, говорятъ: «богаты пріѣдемъ!» Охъ ду-

ши моей! тогда горько и нынѣ не сладко. Пастырь худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченное во Евангеліи, егда Зеведѣвичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: «Господи! хощеша ли речевѣ, да огонь сндетъ съ небесе и потребить ихъ, якоже Илія сотвори? обращай же Ісусъ рече имъ: не вѣсте, коего духа есте вы: сынъ бо человѣческій не прииде душъ человѣческихъ погубити, но спасти; и идоша воину весь.» А я окаянный сдѣлалъ не такъ. Въ хлѣвинѣ своей кричалъ съ воплемъ къ Господу! «Послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный! Свѣтъ! послушай мене! да не возвратится вспять ни единый отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи! приложи имъ и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество діавольское!» И много того было говорено, и втайнѣ о томъ же Бога молилъ. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишь излаялъ меня. Потомъ отпустилъ съ войскомъ сына своего; ночью поѣхали по звѣздамъ. Въ то время жаль мнѣ ихъ: видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть; и самъ таки на нихъ

погибели молю, иные, приходя, прощаются ко мнѣ, а я имъ говорю: «погибнете тамъ.» Какъ поѣхали, лошади подъ ними заржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки завыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли. Ужасъ на всѣхъ напалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: «чтобы батюшка государь помолился за меня;» и мнѣ его стало жаль, а и другъ мой тайный былъ и страдалъ за меня. (Какъ меня кнутомъ отецъ его билъ, и сталъ разговаривать отцу, такъ онъ со шпагою погнался за нимъ. А какъ пріѣхали послѣ меня на другой порогъ на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли въ ворота и его Аванасіевъ дощеникъ—снасть добрая была, и казаки всѣ 600 промышляли о немъ, и не могли взвести: взяла силу вода, наче же рещи, Богъ наказалъ: стащило въ воду всѣхъ людей, а дощеникъ на камень бросило; вода чрезъ его льется, а въ него нейдетъ: чудо, какъ Богъ безумныхъ учитъ! Онъ самъ на берегу, боярыня въ дощеникъ, и Еремѣй сталъ говорить: «батюшко! за грѣхъ наказуетъ Богъ, напрасно протопопа того кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаяться, государь!»

Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣи, къ соснѣ отклонясь, прижавъ руки, а самъ *Господи помилуй* говоритъ. Пашковъ же, ухватя у малаго калещатую пицаль, никогда не лжетъ, приложася на сына, курокъ спустилъ, и божіею волею осѣклася пицаль. Онъ же и въ третіе также сотвориль, пицаль и въ третій осѣклася же; онъ ее на землю и бросиль. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ, такъ и выстрѣлила. А дощеникъ единаче на камени подъ водою лежитъ. Съль Пашковъ на стуль, шпагою подперся, задумався и плакать сталъ, а самъ говоритъ: «согрѣшилъ, окаянный; пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ, за то меня наказуетъ Богъ.» Чудно, чудно по писанію, яко *косенъ Богъ во гнѣвъ, и скоръ на послушаніе*. Дощеникъ самъ, покаянія ради, сплылъ съ камени и сталъ носомъ противъ воды; потянули, и онъ взбѣжалъ на низкое мѣсто тотчасъ. Тогда Пашковъ, призвалъ сына къ себѣ, промолвилъ ему: «прости Еремѣи: правду ты говоришь!» онъ, прискоча, поклонився отцу, и рече: «Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ.»

И, взявъ отца подъ руку, и повель; гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человекъ; ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца, и боится его. Да по писанію и надобъ такъ: Богъ любить тѣхъ дѣтей, которые почитаютъ отцевъ. Виждь, слышателю: не страдалъ ли насъ ради Еремѣй, паче же ради креста и правды его? А мнѣ сказывалъ кормщикъ его Аванасьева дощеника, тутъ былъ, Григорій Тѣльной. На первое возвратимся.) — Отъ меня отошли, поѣхали на войну; жаль стало Еремѣя мнѣ; сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ его пощадилъ. Ждали ихъ съ войны, не бывали на срокъ; а въ тѣ поры Пашковъ меня и къ себѣ не пускалъ. Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огонь раскчалъ, хочеть меня пытать; яко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю его стряпанье: послѣ огня того мало у него живутъ; и самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «Воля господня да будетъ! аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ.» А се и бѣгутъ по меня два палача. Чудно дѣло господне и неизрѣченны судьбы Вла-

дычни! Еремѣй раненъ самъ другъ дорожкой мимо избы и двора моего ѣдетъ и палачей вскричалъ и съ собою воротилъ; онъ, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной съ кручины. И Еремѣй, поклоняся съ отцемъ вся ему подробну возвѣщаетъ: какъ войско у него побили все безъ остатку; и какъ его увелъ иноземець отъ мунгальскихъ людей по пустымъ мѣстамъ, и какъ по каменнымъ горамъ въ лѣсу, не ядше, блудился 7 дней, одну съѣлъ бѣлку; и какъ моимъ образомъ человекъ ему во снѣ явился и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу рассказываетъ, а я пришелъ въ то время поклониться имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, — слово въ слово медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ, — вздохня говоритъ: «такъ то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?» А Еремѣй мнѣ говоритъ: «батюшко! поди, государь, домой молча, для Христа;» я и пошелъ.

10-ть лѣтъ онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Перемѣна ему пришла, а мнѣ грамата: вѣлно ѣхать на

Русь. Онъ поѣхаль, а меня не взялъ, умышлялъ въ умѣ своемъ: «хотя де и одинъ поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы.» Онъ въ дощеникахъ со оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ: дрожали и боялись; а я мѣсяць спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ негодны, человѣкъ съ десятокъ, да я съ женою и дѣтьми, 17 насъ человѣкъ, въ лодку сѣдше, уповаю на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, а може Богъ наставитъ, ничего не бояся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ да друга моего Василія выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моя головы искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ; а послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго либо покаются о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такова же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ

ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ корбасъ; ано за нимъ погоня, дѣтъ стало негдѣ. Я су, простите, свороваль: яко Раавъ блудница во Иерихонѣ Ісуса Навина людей, спряталъ его, положи на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопоицѣ и дочери лечь на него; вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорятъ «матушка! опочивайте; итакъ ты государыня горя натерѣлась». А я, простите, Бога ради, — лгалъ въ тѣ поры и сказываль: «нѣту его у меня», — не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старець да и рабъ христовъ! простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется, не велико ли мое согрѣшеніе? При Раавѣ блудницѣ она, кажется, также сдѣлала; да писаніе ее похваляетъ за то; и вы, Бога ради, поразсудите: буде грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а буде церковному преданію ве противно, а то и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ, припишите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери или прощеніе или епитимію, понеже мы за-

одно воровали, — отъ смерти человѣка ухоронили, ища его покаянія къ Господу. Судите же такъ, чтобы насъ Христосъ не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла, припишите же что нибудь. (*Старецъ: «Богъ да проститъ тя и благословитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и подружію твою Анастасію и дщерь вашу и весь домъ вашъ: добро сотворили есте и праведно; Аминь»*). Добро, старецъ: спаси Богъ на милостыни; полно того.

Прикащикъ же мучки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку, да овечекъ съ 5, 6, мяско, изсуша и тѣмъ лѣто питалися, пловучи. Добрый прикащикъ человѣкъ, дочь у меня Ксенію крестилъ, еще при Пашковѣ родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мѣла и масла, такъ некрещена долго была; послѣ его крестилъ, я самъ женѣ своей и молитву говорилъ и дѣтей крестилъ съ кумомъ съ прикащикомъ, да дочь моя большая кума, а я у нихъ попъ. Тѣмъ же образомъ и Аванасья сына крестилъ и, обѣдню на Мезени служа, причастилъ и дѣтей своихъ исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены своей; есть о томъ

въ правилахъ: велѣно такъ дѣлать; а что за-
прещеніе, то отступническое, и то я о Христѣ
подъ ноги кладу, и клятвою тою, дурно молвить,
гузно тру; меня благословляютъ московскіе свя-
тители Петръ, и Алексѣй, и Іона, и Филиппъ;
я по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему чистою
свѣстію и служу, а отступниковъ отвращаюся
и клянусь: враги они божіи, не боюсь я ихъ, со
Христомъ живу; хотя на меня каменіе накла-
дутъ, я со отеческимъ преданіемъ и подъ каме-
ніемъ лежу, не только подъ шпыньскою, воров-
скою никоіанскою клятвою. Охъ! и что много
говорить? плюнуть на дѣйство то и службу то
ихъ, да и на книги тѣ ихъ новозданныя, такъ
и ладно будетъ! Станемъ говорить, какъ уго-
дитъ Христу и пречистой Богородицѣ, а про во-
ровство ихъ полно говорить. Простите, Нико-
ніаны, что избранилъ васъ; живите, какъ хоче-
те; стану опять первое горе говорить, какъ вы
меня жалуете, подбиваете.

20 лѣтъ ужъ прошло, еще бы хотя столько
же Богъ пособилъ мучиться отъ васъ, ино бы
и было съ меня о Господѣ Богѣ и Спасѣ на-

шемъ Ісусѣ, а за тѣмъ сколько Христосъ дастъ, только и жить. Полно того: и такъ далеко забрель; на первое возвратимся.

Поѣхалъ изъ Даурь, стало пищи скудать и съ братією Бога помолили, и Христосъ далъ намъ и зубра, большаго звѣря, тѣмъ и до Байкалова доплыли. У моря русскихъ людей наѣхало, станица соболиная рыбу промышляетъ; рады миленькіе намъ и, съ корбасомъ насъ съ моря ухватя; далеко на гору несли. Терентьюшко съ товарищи плачутъ миленькіе, глядя на насъ, а мы на нихъ; надавали пищи, сколько намъ надобно, — осетровъ съ 40 свѣжихъ передъ меня привезли, а сами говорятъ: «Вотъ батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ; возьми себѣ всю». Я, поклонясь имъ, рыбу благословя, оиять имъ велѣлъ взять: «на что мнѣ столько?» Погостя у нихъ, изъ нужды запасцу взялъ; лодку починя и парусъ скропавъ, черезъ море пошли. Погода окинула на морѣ, и мы гребли перегреблись. Не больно въ томъ мѣстѣ широко, или со 180 верстѣ. Егда къ берегу пристали, возстала буря вѣтренная, и на берегу на силу и мѣсто обрѣли отъ

волнь; около его горы высокія: 20,000 верстъ и больше волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ; на верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и дворы, все богодѣланно. Лукъ на немъ растеть и чеснокъ, больше романовскаго луковицы, и сладокъ зѣло; тамъ же растутъ и конопли богорасленные, а во дворахъ травы красныя, и цвѣты благовонны гораздо, птицъ зѣло много—гусей, лебедей, по морю яко снѣгъ плавають; рыба въ немъ: осетры и таймени, стерляди и омули, и сизи и прочихъ родовъ много; вода прѣсная, и перцы и заиды великія въ немъ, въ океанѣ море большомъ. Живучи на Мезени, такихъ не видалъ; а рыбы зѣло густо въ немъ, осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковородѣ; жиръ все будетъ. И все то у Христа того свѣта надѣлано для человѣкъ, чтобъ, упокояся, хвалу Богу воздавалъ; а человѣкъ, суетъ который уподобится, дніе его яко снѣгъ переходятъ: скачетъ, яко козелъ; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съѣсть хочетъ, яко змія; ржетъ, зря на чужую кресоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся довольно,

безъ правила спитъ, Бога не молитъ; отлагаетъ покаяніе на старость и потомъ исчезаетъ; не вѣмъ, камо отходитъ, — или во свѣтъ или во тьму: день судный коегождо явитъ. Простите мя; азъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ.

Таже въ русски грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалаясь, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдую ли слово божіе, или скрываюся? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопоповица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробну извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говоритъ ли мнѣ или молчатъ? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: Господи помилуй! Что ты, Петровиць, говоришь? Слыхала я, ты же читалъ апостольскую рѣчь: *«привязался ли женѣ не ищи разрѣшенія егда отрѣшишиися, тогда не ищи и жены;»* азъ ты и съ дѣтьми благословляю, держай проповѣдати слово божіе по прежнему, а о насъ не тужи, дондеже Богъ изволить; тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай; силенъ

Христось и насъ не покинуть. Поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудню еретическую!» Я су ей за то челомъ и, отрясши отъ себѣ печальную слѣзоту, началъ по прежнему слово божіе проповѣдати и учити по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоновскую со дерзновениемъ обличалъ.

Въ Енисейскѣ зимовалъ и паки, лѣто плывши, въ Тобольскѣ зимовалъ и, до Москвы ѣдучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово божіе, и уча и обличая безбожную лестъ. Таже пріѣхалъ къ Москвѣ. Три годы ѣхали изъ Даурь, и туда волокся пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли, промежду иноземскихъ ордъ и жилищъ; много про то говорить.—Бывалъ и въ иноземскихъ рукахъ: на Оби, великой рѣкѣ, предо мною 20 человекъ погубили христіанъ; а, надо мною думавъ, да и отпустили совсѣмъ. Паки на Иртышѣ рѣкѣ собраніе ихъ стоитъ: ждуть березовскихъ нашихъ съ дощеникомъ и погубить; а я, не вѣдаючи, и пріѣхалъ къ нимъ; и, пріѣхавъ, къ берегу присталъ. Они съ луками и обскочили насъ, и я су, вышедъ обниматься съ ними, что

съ чернцами, а самъ говорю: Христось со мною и съ вами той же!» И они до меня добры стали и жены своя къ моей женѣ привели; жена моя такъ же съ ними лицемѣрится, какъ въ мѣрѣ лѣсть совершается; и бабы удобрилися, и мы то уже знаемъ: какъ бабы бываютъ добры, такъ и все о Христѣ бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя; медвѣдей я у нихъ накупилъ да и отпустили меня. Пріѣхаль въ Тобольскъ, сказываю: ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь Башкирцы съ Татарами воевали тогда. И я, уповая на Христа, ѣхаль посредѣ ихъ. Пріѣхавъ въ Верхотурье, Иванъ Богдановичъ Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: «какъ ты, протопоцъ, проѣхаль?» И я говорю: «Христось меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никого, только Христа боюсь».

Таже къ Москвѣ пріѣхаль и, яко ангела божія пріяша мя, Государь и бояра всѣ мнѣ, рады. Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учаль говорить много: три дни и три но-

щи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ». И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мѣѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ! благослови и молися о насъ». Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о су видѣть каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ нимъ соединился въ вѣрѣ. Азъ же,

вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа приобря-
щу, и смерть поминая, яко вся сія мимоидеть. И
се мнѣ въ Тобольскѣ въ тонцѣ снѣ възвѣщено:
«блюдися отъ мене, да не полма разтесанъ бу-
деши». Я вскочилъ и палъ предъ иконою въ ужа-
сѣ велицѣ, а самъ говорю: «Господи! не стану
ходить, гдѣ по новому поють, Боже мой!» Былъ
я у заутрени въ соборной церкви на царевнины
именины, шаловалъ съ ними въ церкви той при
воеводахъ да съ прїѣзду смотрилъ у нихъ прос-
фиромисанія дважды или трижды, въ алтарѣ у
жертвенника стоя, а самъ имъ ругался; а какъ
привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что
жаломъ духомъ антихристовымъ и ужалило бы-
ло. Такъ меня Христосъ свѣтъ попужалъ и ре-
че ми: «По толикомъ страданіи погибнуть хоше-
щи? блюдиися, да не полма разсѣку тя». Яко обѣд-
ни не пошелъ, а обѣдать ко князю пришелъ и
вся подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, милень-
кой князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ плакать
сталъ. И мнѣ, окаянному, много столько божія
благодѣянія забыть! Егда въ Даурахъ я былъ на
рыбномъ промыслѣ, къ дѣтямъ пойду зимою, по

озеру бѣжалъ на базлукахъ (тамъ снѣгу не живеть, морозы велики живутъ и льды толсты намерзають, близко челоуѣка толщины); — шить мнѣ захотѣлось, и гораздо отъ жажды томимъ, — идти не могу, среди озера стало, воды добыть нельзя: озеро верстъ восемь, — сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый изъ камени воду въ пустынѣ людемъ, жаждущему Израилю, — тогда и днесь Ты еси! напои мене, и ниже всѣи судьбами, Владыко Боже мой!» Охъ горе! не знаю, какъ молвить; простите, Господа ради: кто есмь азъ, умерый пещь? Затрещалъ ледъ предо мною и разступился чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снидесе гора велика льду стала и, дондеже уряженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ прорубку маленьку и я, надше, насытился; и плачу и радуюся, благодаря Бога; потомъ и пролубка содвинулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобѣ къ дѣтямъ. Да и въ прочіи времена въ волокитѣ моеи

такъ часто у меня бывало. Идучи или нарту волоку, или рыбу промышляю, или въ лѣсу дрова сѣку, или ино что творю, и самъ правило въ тѣ поры говорю, вечерню и заутреню или часы, — что прилучится; — а буде въ людехъ бываетъ неизворотно и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моего не любятъ, и, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей, подъ гору или въ лѣсъ; коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сошкѣ складеньки поставлю, правильца проговорю, иные со мною молятся, а иные кашку варятъ; и въ саняхъ ѣдучи, въ воскресные дни, на подворьяхъ всю церковную службу пою; и въ рядовые дни, въ саняхъ ѣдучи, пою; а бывало и въ воскресные дни, ѣдучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немножко а таки поворчу; якоже тѣло алчуще желаетъ ясти и жаждуще желаетъ пити: тако и душа, отче мой Елифаніе, брашна духовнаго желаетъ: не гладь хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человекъ, но

гладъ велій челоуѣку, еже, Богу не моляся, жити.

Бывало, отче, въ Даурской землѣ, — аще не со-
скучите послушать съ рабомъ тѣмъ христовымъ,
азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ, — отъ немощи и
отъ глада великаго изнемогъ въ правилѣ своемъ;
всего мало стало, токмо повечерные псалмы,
да полунощницу да часъ первый, а больше того
ничего стало; такъ, что скотинка, волочусь; о
правилѣ томъ тужу, а принять его не могу, а
се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ въ лѣсу по
дрова и безъ меня жена моя и дѣти, сидя на зе-
млѣ у огня, дочь съ матерію обѣ плачуть; Агра-
фена, бѣдная моя горемыка, была еще не велика
тогда. Я пришелъ изъ лѣсу; зѣло ребенокъ ры-
даетъ; связавшуся языку его, ничего не промол-
вить, мычить къ матери, сидя; мать, на нее гля-
дя, плачетъ; и я отдохнулъ и, съ молитвою при-
ступивъ къ робяти, рекль: «О имени господни по-
велѣваю ти, — говори со мною, о чемъ плачешь!»
Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила:
«Не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя,
свѣтленекъ, за языкъ-отъ держалъ меня и съ

матушкою не далъ говорить; я того для плакала, а мнѣ онъ говорить: «скажи отцу, чтобы онъ правило по прежнему правилъ, такъ на Русь всѣ опять выѣдете; а буде правила не станеть править, о немъ же онъ и самъ промышляетъ, то здѣсь всѣ умрете и онъ съ вами же умреть». Да иное кое что въ тѣ поры ей сказано было, какъ указъ по насъ будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси наѣдемъ: все такъ и сбылося. Мнѣ Пашкову... говорить, чтобъ и онъ вечерни и заутрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дастъ и хлѣбъ родится, а то были дожди беспрестанно, ячменцу было сѣяно небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дня, тотъ часъ выросъ, да и сгнилъ было отъ дождей. Я ему про вечерни и заутрени сказалъ, онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотъ часъ посіялъ. Чудо таки! Сѣянъ поздно, а посіялъ рано! Да и наки бѣдный коварничать сталъ о божіемъ дѣлѣ: на другой годъ посіялъ было много, да дождь необыченъ изліяся и вода изъ рѣки выступила и потопила ниву да и все размыла, и жилища наша размыла; а до того николи вода

туть не бывала, а иноземцы дивятся. Виждь: какъ поруга дѣло божіе и пошелъ страною, такъ и Богъ къ нему страннымъ гнѣвомъ сталъ смѣяться первому тому извѣщенію. — На послѣдокъ ребенокъ—де ѣсть захотѣлъ и такъ—плакалъ, и я су съ тѣхъ мѣсть за правило схватился да и по ся мѣсть тянусь по маленьку. Полно о томъ бесѣдовать, на первое возвратимся. Намъ надо бы вся сія помнить и не забывать, всякое дѣло божіе не класть въ небреженіе и просто, и не мѣнять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское дѣло. Видятъ они, что я не соединяюся съ ними; приказалъ Государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо по маленьку и справиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни съѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ, Лука, духовникъ, 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое

Ѳеодоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублей казначею
 своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про
 ныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ да
 несетъ всячиною. У свѣта моей, Ѳедосьи Про-
 кофьевны Морозовы не выходя жилъ во дворѣ,
 понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня
 Евдокія Прокофьевна, дочь же моя. Свѣты мои,
 мученицы христовы! И у Анны Петровны Мило-
 славскія покойницы всегда же въ дому былъ; и
 къ Ѳеодору Ртищеву браниться съ отступниками
 ходилъ, да такъ то съ полгода жилъ. Да вижу,
 яко церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва
 бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю мно-
 гонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взы-
 скалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ
 ереси оборонилъ и на престолъ бы патриаршескій
 пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и
 отступника, Никона, злодѣя и еретика. И егда пись-
 мо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо; и я вы-
 слалъ царю на переѣздъ съ сыномъ своимъ ду-
 ховнымъ, съ Ѳеодоромъ Юродивымъ,—что по-
 слѣ отступники удавили его Ѳеодора на Мезе-
 ни, повѣся его на висѣлицу.— Онъ же съ пись-

момъ приступилъ къ царевѣ каретѣ со дерзновениемъ, и царь велѣлъ его посадить и съ письмомъ подъ красное крыльцо: не вѣдалъ, что мое. А опослѣ, взявши у него письмо, велѣлъ его отпустить; и онъ покойникъ, побывавъ у меня, паки, въ церковь предъ царя пришедъ, учалъ юродствомъ шаловать. Царь же, осердясь, велѣлъ въ Чудовъ монастырь отслать. Тамъ Павелъ архимандритъ и желѣза на него положилъ, и божіею волею желѣза распалися на ногахъ предъ людьми; онъ же, покойникъ свѣтъ, въ хлѣбнѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ и голымъ гузномъ сѣлъ на подъ и, крошки въ печи собираючи, ястъ: такъ черницы ужаснулись и архимандриту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь пришедъ въ монастырь, честно велѣлъ его отпустить. Онъ же паки ко мнѣ пришедъ и съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ; не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Хри-

ста многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошилъ: поѣдь-де въ ссылку опять» — сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень; надавали было кое что во имя христово люди добрые много, да и все осталось тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домо-чадцы повезли. По городамъ наки людей божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, наки одного къ Москвѣ взяли да два сына со мною Иванъ да Прокопій съѣхали же, а протопопца и прочія на Мезени остались всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ начальъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: «долго ли тебѣ мучить насъ? соединись съ нами, Аввакумушко!» Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лезутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ и послалъ съ діакономъ ярославскимъ съ Косьмою и съ подьячимъ двора патріарша. Коз-

ма той, — не знаю, коего духа человекъ, — въ явѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сиче говоря: «Протопоцъ! не отступай ты стараго того благочестія; великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь; не гляди на насъ, что погибаемъ мы». И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу; и онъ говорилъ: «нельзя! Никонъ опуталъ меня»; — просто молвить, отрекся предъ Никономъ Христа, также уже бѣдной не можетъ встать. Я заплакалъ, благословилъ его горюна, больше того мнѣ нечего съ нимъ дѣлать; вѣдаетъ то Богъ, что будетъ ему.

Таже, проживъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на печи, взяли меня паки на Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ меня и діакона Θεодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было ми тяжело въ обѣдню ту. И, подержавъ на патриарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь, и бороду враги божіи отрѣзали у меня; чему быть? волкъ то есть, не жалѣютъ о-

вещь: оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у Поляка на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не въдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволь: что на нихъ и пенять? Не имъ было, а быть же было инымъ; писанное время пришло, по Евангелію: *Нужда соблазномъ пріити*, а другой глаголетъ Евангелистъ: *Невозможно соблазномъ не пріити; но горе тому, имъ же приходитъ соблазнъ*. Виждь, слышателю: необходимая наша бѣда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускаетъ Богъ, даже избранныи будутъ, даже разжегуться, даже убѣлятся, даже искуснии явлени будутъ въ васъ. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатана, да очервленить ю кровію мученическою. Добро ты, діаволь, выдумалъ, и намъ то любо, Христа ради, нашего свѣта, пострадать.

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ божіе присвщеніе бысть; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящени. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея приходилъ и, постовавъ, оцять пошелъ изъ монас-

тыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроение вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня, о томъ много говорить; Богъ ихъ проститъ! Я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущій вѣкъ, молитися мнѣ подобаетъ о нихъ о живыхъ и о преставльшихся; діаволь между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня. Полно того.

И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молиться пріѣзжалъ и ко мнѣ просился въ темницу; ино не пустили горюна; я лишь, въ окно глядя, поплакалъ на него; миленькой мой боится Бога, сиротника христового: не покинетъ его Христосъ. Всегда таки онъ христовъ да нашъ человекъ и всѣ бояра те до насъ добры, одинъ діаволь лихъ, что вѣдь сдѣлаешь, коли Христосъ попустилъ? Князя Ивана миленькаго Хованскаго и батожьемъ били, какъ Исаю сожгли, а боярыню ту Федосью Морозову и совѣмъ разорили, и сына у нея уморили

и ея мучать, и сестру ея Евдокію, бывше батогами, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ развели, и его князя Петра Урусова на другой-де женили; да что вѣдь дѣлать? Пускай ихъ миленькихъ мучать; небеснаго жениха достигнуть; вѣяко то Богъ препроводитъ вѣкъ сей суетный и присвоитъ къ себѣ женихъ въ небесный чертогъ свой, праведное солнце, свѣтъ, упованіе наше! Паки на первое возвратимся.

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а я бѣдной больше тогоже табаку испилъ, что у Газскаго митрополита вынули напоследокъ 60 пудовъ, да домру да инья тайныя монастырскія вещи, что пограбивше творять; согрѣшилъ, простите, не мое то дѣло, то вѣдаетъ онъ, своему владыкѣ стоитъ или падаетъ. Къ слову молвилось то. У нихъ были любимые законоучители. У сего келаря Никодима попросился я на великъ день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, дверей отворя, на порогъ посидѣть; и онъ меня

наругалъ и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось. И потомъ въ келію пришедъ, разболѣлея, масломъ соборовали и причащали и тогда сегда вздохнетъ. То было въ понедѣльникъ свѣтлой и противъ въ нощи вторника прииде къ нему мужъ во образъ моемъ, съ кадиломъ въ ризахъ свѣтлыхъ и, покадивъ его и за руку взявъ, воздвигнулъ и бысть здравъ. И притече ко мнѣ съ келейникомъ ночью въ темницу. Идучи, говоритъ: «Блаженна обитель: таковыя имѣеть темницы! блаженна темница: таковыхъ имѣеть страдальцевъ! блаженны и узы!» И палъ предо мною, ухватился за чепъ и говоритъ: «прости, Господа ради; прости, согрѣшилъ, предъ Богомъ и предъ тобою: оскорбилъ тебя и за сіе наказа мя Богъ.» И я говорю: «Какъ наказалъ? повѣждь ми.» И онъ паки: «И ты де самъ, приходя и покадя меня, пожаловалъ и поднялъ, что де запираешься.» А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: «Я, батюшко государь, тебя подъ руку вывелъ изъ кельи да и поклонился тебѣ; ты и пошелъ сюда.» А я ему заказалъ, чтобъ людямъ не сказывалъ о тайнѣ сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ

ему жить впродъ по Христъ: или де мнѣ велишь въ пустыню идти? Азъ же его, понаказавъ и не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай держалъ старое преданіе отеческое. Онъ же, поклоняся, отъиде къ себѣ и на утро за трапезою всей братіи сказалъ. Людѣ же безпрестанно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня; а я ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ божіимъ въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирился тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: *«Горе ему же рекутъ добро вси чело-вѣцы;»* воистину не знаю, какъ до краю доживать: добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ; то вѣдаетъ Онъ, воля Его.

Тутъ же пріѣзжалъ ко мнѣ втай съ дѣтьми своими Феодоръ, покойникъ удавленной мой, и спрашивался со мною: «какъ де прикажешь мнѣ ходить, въ рубашкѣ ли по старому или въ платьѣ облещися? Еретики де ищутъ, погубить меня хотятъ. Былъ-де я на Рязани подъ началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣло де онъ Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день коль плетми не бьетъ,

и скована въ желѣзахъ держаль, принуждая къ новому антихристову таинству; и де уже изнемогъ, въ нощи моляся, плачу, говорю: «Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворить!» и много плачучи говорилъ; а и де вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня, и дверь и отперлась и отворилась сама. Я де, Богу поклоняясь, да и пошелъ; къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены; я де по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ; егда де разсвѣтало, ино погоня на лошадяхъ, трое человекъ мимо меня пробѣжали, не увидѣли меня, я де надѣюсь на Христа, бреду таки впередъ; по малѣ-де они ѣдутъ на встрѣчу ко мнѣ, лаютъ меня: «ушелъ-де блядинъ сынъ, гдѣ его возьмешь?» Да и опять-де проѣхали, не видали меня. И я де нынѣ къ тебѣ спроситься прибредъ, туда ль мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ?» И я ему, грѣшной, велѣлъ вздѣть платье и однако не ухоронилъ отъ еретическихъ рукъ, — удавили на Мезени, повѣся на висѣлицу. Вѣчная ему память и съ Лукою Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькіе мои! по-

страдали за Христа: слава Богу о нихъ! Зѣло у
Феодора того крѣпокъ подвигъ былъ; въ день
юродствуетъ, а ночь всю на молитвѣ со сле-
зами; много добрыхъ людей знаю, а не видалъ
подвижника. Пожилъ у меня съ полгода на
Москвѣ, а мнѣ еще не моглося, — въ задней
комнатѣ двое насъ съ нимъ: и много часъ дру-
гой полежить да и встанеть, тысячу поклоновъ
отбросаетъ да сядетъ на полу; а иное стоя, часа
съ три плачетъ, а я таки лежу, иное сплю, а
иное неможется; егда ужъ наплачется гораздо,
тогда ко мнѣ приступить: «долго ли тебѣ, прото-
попъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ:
какъ сороба нѣтъ?» И мнѣ не можется, такъ ме-
ня подымаетъ, говоря: «встань, миленькой ба-
тюшко!» Ну таки вытащить какъ нибудь меня;
сидя, мнѣ молитвы велить говорить, а онъ за
меня поклоны кладетъ: то-то другъ мой сер-
дечной былъ! Скорбенъ миленькой былъ съ пе-
ретуги великія: черевъ изъ него вышло въ одну
пору три аршина, а въ другую пору пять ар-
шинъ, а кишки перемѣряетъ: и смѣхъ съ нимъ и
горе! На Устюгѣ 5 лѣтъ безпрестанно мерзъ

на морозъ босъ, въ одной рубашкѣ, — я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной: какъ я изъ Сибири ѣхаль, у церкви въ палатку прибѣгалъ, молитвы ради; сказываль: «какъ де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло-де въ тѣ поры тяжело бываетъ; по кирпичю тому ногами тѣми стучаетъ, что кагабьемъ; а на утро опять не болятъ.» Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей въ кельѣ, маленько еще зналъ о новизнахъ. И я ему подробно разсказаль про новыя книги; онъ же, схвативъ книгу, тотъ часъ въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была. Да что много говорить? какъ началъ, такъ и кончилъ; не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянный, того ради и скончался боголѣпнѣ.

Хорошъ былъ и Аѳанасьюшко, сынъ же мнѣ духовный, во иноцѣхъ Авраамій, что отступники на Москвѣ въ огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеса святѣй Троицѣ. До иночества бродилъ босикомъ же въ одной рубашкѣ и зиму и лѣто, только сей Ѳеодоръ посмирнѣе и въ

подвигъ маленько покороче. Плакать зѣло же былъ охотникъ; и ходитъ и плачетъ, и съ кѣмъ молвить, у него слово тихо и сладко, яко плачетъ. Феодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣлѣ божіи болѣзненъ: всяко тщится разорити и обличити неправду; да пуекай ихъ! Какъ жили, такъ скончались о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ. Еще вамъ побесѣдую о своей волокитиѣ. Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и волоча многождывъ Чудовъ поставили предъ вселенскихъ патріарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патріархомъ говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христосъ. Последнее слово ко мнѣ рекли: «что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ.» И я имъ о Христѣ отвѣщаль сиче: «Вселенстїи учителіе! Римъ давно упаль и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца

враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія Турскаго Магмета, немощни есте стали; и впредь прїѣзжайте къ намъ учиться; у насъ божіею благодатию самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали тремя персты креститься, а первые наши пастыри, яко же сами двумя персты крестились и благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія Антиохійскаго, Θεодорита, блаженнаго епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека; еще же и московскій помѣстный бывшій соборъ при царѣ Иванѣ, такъ же слагая персты, креститься и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы Мелетій и прочіи научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша знаменосцы Гуріе и Варсанофіе, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игумень, отъ святыхъ русскихъ.» — И патріархи задумались и наши, что волченки, завьмы, облевать стали на отцевъ своихъ, говоря: «глупы де были и

не смыслили наши русскіе святыя; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ не умѣли!» О Боже святыи! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Миѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало: побранилъ ихъ, сколько могъ, и послѣднее слово рекъ: «Чистъ есмь азъ и прахъ, прильпшии отъ ногъ своихъ, отрясаю предъ вами, по писанному: *лучше единъ, творяи волю божію, нежели тьмы беззаконныхъ.*» Такъ на меня и пуще закричали: «возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ;» да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человекъ съ 40 ихъ, чаю, было, — велико антихристово войско собралося. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ, и я закричалъ: «Постойте, не бейте!» Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: «Говори патріархомъ: Апостоль Павелъ пишетъ: *таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч.*, а вы, убивше человека, какъ литоргисать станете?» Такъ они съѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: «посидите вы, а я полежу»: говорю имъ. Такъ они

смѣются: «дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны.» Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стала говорить со мною, и мнѣ Христосъ подалъ, посрамилъ въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Евфимей, чудовской келарь, молвилъ: «Правъ де ты, нечего де намъ больше того говорить съ тобою;» да и повели меня на чепь; потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повели меня на Воробьевы горы.

Тутъ же священникъ Лазарь и инокъ Елифаній старецъ: острижены и обруганы что мужички деревенскіе, миленькіе! умному человѣку поглядѣть, да лишь заплакать, на нихъ глядя; да пускай они терпятъ! что о нихъ тужить! Христосъ и лучше ихъ былъ да тѣже ему, свѣту нашему, было отъ прадедковъ ихъ, отъ Анны и Каіафы; а нынѣшнихъ и дивить нечего: съ образца дѣлають; потужить надобно о нихъ бѣд-

ныхъ! Увы бѣдные Никоіане! погибнете отъ своего злаго и непокориваго права!

Потомъ съ Воробьевыхъ горъ перевели насъ на Андреевское подворье, таже въ Савину слободку; что за разбойниками стрѣльцовъ войско за нами ходитъ и срать провожаютъ; и смѣхъ и горе, какъ то омрачилъ діаволь!

Таже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Лутохина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Таже опять ввезли насъ въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насъ о правовѣрїи еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многожды присланы были, Артемонъ и Дементій, — и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «Протопопъ! вѣдаю де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе; прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады; помолися о насъ:» — кланяючися посланникъ говорить, и по немъ всегда плачу; жаль мнѣ сильно его. И паки онъ же: «пожалуй де, послушай меня; соединись со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ.» И я говорю: «аще и умрети ми

Богъ изволить, со отступниками не соединюся. Ты, — реку, — мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего, — реку, — царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися. Я, — реку, — не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ тебя отдасть мнѣ.» И много тѣхъ присылокъ было кое о чемъ говорено; послѣднее слово рекъ: «гдѣ де ты не будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ.» Я и нынѣ грѣшный, елико могу, Бога молю о немъ. Таже, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье. И я изъ Пустозерья послалъ къ Царю два посланія, первое невелико, а другое больше; кое о чемъ говорилъ, сказалъ ему въ посланіи и богознаменія нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; тамо чтый да разумѣтъ. Еще отъ меня и отъ братіи діаконово списаніе послано въ Москву, правовѣрнымъ гостинца: книга *отвѣтъ православнымъ* и обличеніе на отступническую блудню; писана въ ней правда о догматѣхъ церковныхъ. Еще же и отъ Лазаря священника посланы два посланія царю и патріарху, и за вся сія присланы къ намъ гостинцы.

Повѣсили на Мезени въ дому моемъ двухъ человекъ, дѣтей моихъ духовныхъ, прежде реченнаго Θεодора Юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабовъ христовыхъ. Лука то московскій жилецъ, у матери вдовы сынъ былъ единачаденъ, усмарь чиномъ, юноша лѣтъ въ полтретьяцать: пріѣхалъ на Мезень по смерть съ дѣтьми моими. И егда бысть въ дому моемъ всегубительство, спросилъ его пилать: «Какъ ты мужикъ крестишься?» Онъ же отвѣща смиренно-мудро: «Я такъ вѣрую и крещуся, слагая персты, какъ отецъ мой духовный, протопопъ Аввакумъ!» Пилать же повелѣ его въ темницу затворити, потомъ положи петлю на шею, на релѣхъ повѣсилъ. Онъ же отъ земныхъ на небесная вниде; больше того что ему могутъ сдѣлать? Аще и младъ да по старому сдѣлалъ, пошелъ самъ ко Владыцѣ. Хотя бы и старой такъ догадался!

Въ тѣ же поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопія, велѣно же повѣсити; да они бѣдные оплошали и не догадались вѣнцевъ побѣдныхъ ухватити; испугався смерти,

повинились, такъ ихъ и съ матерію троихъ въ землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и безъ смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже діавольное что умыслить! Страшна смерть, недивно! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отрекся и, ишедъ вошъ, плакася горько, и слезъ ради прощень бысть; а на робятъ и дивить нечего; моего ради согрѣшенія поущено имъ изнеможеніе. Да уже добро! быть тому такъ! Силенъ Христокъ всѣхъ насъ спасти и помилвати!

По семъ той же полуголова Иванъ Елагинъ былъ и у насъ въ Пустозерѣ, прїѣхавъ съ Мезени, и взялъ у насъ сказку; сице рѣчено: *годъ и мѣсяцъ* и пакн: «мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха съ товарищи еретическое соборище проклинаемъ», и иное тамъ говорено многонько и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто. По семъ привели насъ къ плахъ, и, прочеть, назадъ меня отвели, не казня въ темницу. Чли въ законѣ: «Аввакума посадить въ землю въ срубъ и давать ему воды и хлѣба». И я супротивъ того плюнулъ и умереть хотѣлъ, не

ядше, и не ялъ дней съ осмь и больше, да брата пакы ясть велѣли.

По семъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали изъ горла; мало пошло крови да и перестала. Онъ же и пакы говоритъ безъ языка; таже, положи правую руку на плаху, по запястьѣ отсѣкли и рука отсѣченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданію и долго лежала такъ предъ народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе спасителево неизмѣнно. Минь су и самому сіе чудно! бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у него во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ; гладко все безъ языка, а не болитъ. Далъ Богъ по временнѣ часъ исцѣлѣло; на Москвѣ у него рѣзали, тогда осталось языка, а нынѣ весь безъ остатку рѣзанъ. А говорилъ два года чисто, яко и съ языкомъ; егда исполнилися два года, иное чудо: въ три дня у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ, пакы и говоритъ безпрестанно, хваля Бога и отступниковъ порицая.

По семъ взяли священника пустынника, инока схимника, Епифанія старца и языкъ вырѣзали

весь же; у руки отсѣкли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво, по семъ молилъ пречистую Богоматерь и показаны ему оба языка московскій и здѣшній на воздухѣ: онъ же, одинъ взявъ, положилъ въ ротъ свой и съ тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обрѣтесе во ртѣ. Дивна дѣла господня и неизрѣченны судьбы Владыки! И казнить попускаетъ и паки цѣлитъ и милуетъ! Да что много говорить? Богъ старый чудотворецъ, отъ небытія въ бытіе приводитъ, восе вѣтъ въ день послѣдній всю плоть человѣчу въ мгновеніе ока воскреситъ; да кто о томъ разсудити можетъ? Богъ бо то есть: новое творитъ и старое поновляетъ. Слава ему о всемъ!

По семъ взяли діакона Θεодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, въ горлѣ накость рѣзанъ; тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а послѣ и опять со старой выросъ, изъ-за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсѣкли руку поперекъ ладони и все, далъ Богъ, стало здорово, и говоритъ ясно и чисто противъ прежняго. Таже осынали насъ

землею, струбъ въ землѣ и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками; стражіе же предъ дверьми стрежаху темницы. Мы же здѣсь и вездѣ, сидящіи въ темницахъ, поемъ предъ Владыкою Христомъ, Сыномъ Божиимъ, пѣснями, ихъ же Соломонъ воспѣ, зря на матеръ Вирсавію: *«Се еси добра прекрасная моя; се еси добра любимая моя; очи твоя горятъ, яко пламень отя; зубы твои бѣлы, паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся въ красоть сіяешь, яко день въ силъ своей.»*

Таже поѣхалъ пилать отъ насъ; на Мезени достроя, возвратился въ Москву. И прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили да пекли: Исаію сожгли и послѣ Авраамія сожгли и иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ да висѣлицею

въ вѣру приводить. Но Господемъ рѣченное ко Апостоламъ сице: *Шедше въ мѣръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари; иже въру иметъ и крестится, спасенъ будетъ.* Смотри, слышателью: волею зоветъ Христось, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій Богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: «Непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити». Нашъ Христось своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учителя явны яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковыже. Писано во Евангеліи: *не можетъ древо добро плодъ золъ творити, ниже древо зло плодъ добръ творити; отъ плода бо всяко древо познано бываетъ.* Да что много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы; кому охота вѣнчаться, не почто ходить въ Персиду, а то дома Вавилонъ. Нутко, правовѣрне! нарцы имя христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты,

якоже пріяхомъ отъ святыхъ отецъ! Вотъ тебѣ царство небесное дома родилось: Богъ благословить, мучися за сложеніе персть, не разсуждай много, а я съ тобою за еже о Христвѣ умрети готовъ. Аще я и несмыслень, гораздо неученый человекъ, да то знаю, что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ; не предлагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ; но блюди еретикъ: не токмо надъ жертвою христовою и надъ крестомъ, но и пелены не вѣшали. А то удумали со діаволомъ книги перепечатать, вся перемѣнить, крестъ на церкви и на просфорахъ перемѣнить; внутрь алтаря, молитвы іерейскія откинули; ектеніи перемѣнили, въ крещеніи духу лукавому молиться велятъ. Я бы имъ и съ нимъ въ глаза наплевалъ! И около купели противъ солнца лукавый то ихъ водить, также и церкви святятъ противъ солнца же и бракъ вѣнчавъ, противъ солнца же водятъ: явно противно творятъ. А въ крещеніи не отрицаются сатаны; чему быть? дѣти его, коли отца своего отрицати-

ся не хотятъ. Да что много говорить? охъ правовѣрной души! вся горняя долу быша! Какъ «говорилъ Никонъ, а довь пѣсъ, такъ и сдѣлалъ: гпечатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому». Такъ су и сдѣлалъ! Да больше того нечѣмъ перемѣнить, умереть за сіе всякому подобаеть. Будьте они прокляты окаянныя, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ и страждущимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! По семъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: нное было кажется про житіе то мнѣ не надобно и говорить, да прочтохъ дѣянія апостольская и посланія Павлова. Апостоли о себѣ возвѣщали же, еда что Богъ содѣлаеть въ нихъ: *не намъ, Богу нашему слава*; а я ничтоже есмь. Рекохъ и наки рекохъ: азъ есмь человекъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ, и всякому человеку лицемѣръ окаянный; простите же и молитесь о мнѣ, а я о васъ долженъ о чтущихъ и послушающихъ, больше того; жить не умѣю, и что сдѣлаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу о мнѣ молятся, въ день вѣка вси же тамъ по-

знають содѣланная мною или благая или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; неученъ діалектикѣ, реторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, якоже и Апостоль глаголетъ: *аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.*

Простите, еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, сглушилъ, отца своего заповѣдь преступилъ и сего ради домъ мой наказанъ бысть, все Бога ради бысть. Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ благословилъ меня образомъ Филиппа, митрополита, да книгою святаго Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди. Азъ же окаянный, презрѣвъ отеческое благословеніе, и приказалъ ту книгу брату двоюродному, по докучаю его на лошадь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Евфимій: зѣло грамотъ гораздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ, напоследокъ взятъ былъ къ большой царевнѣ въ верхъ во псаломщика, а въ моръ и съ женою скончался. Сей Евфимій лошадь сію поилъ и кормилъ и гораздо объ немъ жалеть, прези-

рая правило многожды. И видѣ Богъ неправду въ насъ съ братомъ, — яко неправо по истинѣ ходимъ; я книгу промѣнялъ, отцеву заповѣдь преступилъ; а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилежалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказать: и лошадь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить, всегда мокра и заѣжжена и еле жива стала. Азъ же недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ такъ озлобляетъ насъ. И въ день недѣльный послѣ ужина въ келейномъ правилѣ на полунощницѣ братъ мой Евфимій говорилъ кафизму непорочную и завопи великимъ гласомъ: «призри на мя и помилуй мя!» и испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю; отъ бѣсовъ пораженъ бысть, начатъ кричать и вопить гласы неудобными: понеже бѣси жестоко начаша его мучити. Въ дому же моемъ, иные родные два брата, Косма и Герасимъ, больше его, и не могли удержать его, Евфимія, и всѣхъ домашнихъ челоуѣкъ съ 30, держа его, и рыдаютъ и плачутъ, вопиюще ко Владыкѣ: «Господи помилуй! согрѣшили предъ Тобою прогнѣвали Твою благостыню! прости насъ грѣшныхъ! помилуй юношу сего за молитвы

святыхъ отецъ нашихъ!» Азъ же въ то время помощію божіею не смутихся отъ голки тоя бѣсовскія; скончавше правило, паки началъ молиться Христу и Богородицѣ со слезами, глаголя: «Владычице моя, Пресвятая Богородице! покажи, за которое мое согрѣшеніе таковое ми бысть наказаніе, да уразумѣвъ, каюсь предъ сыномъ твоимъ и предъ тобою, впредъ того не стану дѣлать.» И плачучи послалъ въ церковь по требникъ и святую воду сына своего духовнаго Сумеона, — юноша таковъ же, что и Евфимій, лѣтъ 14, дружно межъ себя живуще Сумеонъ со Евфиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляюще и веселящеся, живуще оба въ подвигъ крѣпко, въ постъ и молитвѣ. Той же Сумеонъ плакалъ по другѣ своемъ, сходилъ въ церковь и принесъ книгу и святую воду. Азъ же начахъ дѣйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василія съ Сумеономъ; онъ мнѣ строилъ кадило и свѣщу и воду святую подносилъ, а прочіи держали бѣснующагося. И егда въ молитвѣ рѣчь дошла: *азъ ти о имени господни повелѣваю, душе нѣмый и глухій, изыди отъ созданія сею и*

къ тому не вниди въ него, но иди на пустое мѣсто, и дѣже чловѣкъ не живетъ; но токмо Богъ прозираетъ, — бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь въ другой рядъ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуще мучить брата. Охъ! горе мнѣ! какъ молвить соромъ? и не смѣю и по старцеву Епифаніеву повелѣнію говорю; сице было: взялъ кадило и покадилъ образы и бѣснаго и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ часъ; возставъ же, ту же Василиеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего! Бѣсъ же скорчилъ въ кольцо брата и, прижався, изыде и сѣлъ на окно. Братъ же, бывъ яко мертвъ, азъ же покропилъ его водою святою; онъ же, очияся, перстомъ мнѣ на бѣса, сидящаго на окнѣ, показываетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его; азъ же покропилъ водою окно и бѣсъ сошелъ въ жерновный уголь. Братъ же и тамъ его показываетъ; азъ же и тамъ покропилъ водою, бѣсъ же оттолъ пошелъ на печь. Братъ же и тамъ указываетъ, азъ же и тамъ тою же водою, братъ же указалъ подъ печь и самъ перекрестился, и азъ не пошолъ за бѣсомъ, но напоихъ святою водою

брата во имя господне. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: «спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту да и мальчику тому, спаси Богъ, который въ церковь по книгу и по воду ходилъ, пособлялъ тебѣ биться съ ними, подобіемъ онъ, что и Симеонъ же другъ мой; подлѣ рѣки Сундовика меня водили и били и сами говорятъ: намъ-де ты отданъ за то, что братъ твой Аввакумъ на лошадь промѣнялъ книгу и де ее любитъ, такъ де мнѣ надобѣ брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взялъ и за нее бы далъ деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я, рѣку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщаль «Какой ты мнѣ братъ, ты мнѣ батько; отнял ты меня у царевича и у князей, а братъ мой на Лопатицахъ живетъ, будетъ тебѣ бить челомъ.» Азъ же паки далъ ему святые воды, онъ же и судно у меня отнимаетъ и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить, ночь всю зимнюю простряпалъ. Маленько я съ нимъ полежалъ и пошелъ

въ церковь заутреню пѣть: а безъ меня бѣси паки на него напали, но легче прежняго. Азъ же, пришедъ отъ церкви, масломъ его посвятилъ и паки бѣси отъидоша, и умъ цѣль сталъ; но дряхль бысть, отъ бѣсовъ изломанъ: на печь поглядываетъ и оттолѣ боится, егда куда отлучуся, и бѣсы навѣтовать ему стануть. Бился я съ бѣсами, что съ собаками, недѣли съ три за грѣхъ мой, дондеже взялъ книгу и деньги за нее отдалъ и сходилъ къ другу своему, Иларіону игумену; онъ просвиру вынулъ за брата, тогда добро жилъ, что нынѣ архіепископъ рязанской, мучитель сталъ христіанской. Инымъ духовнымъ я билъ челомъ о братѣ и умолили Бога о насъ грѣшныхъ и освобожденъ бысть отъ бѣсовъ братъ мой. Таково-то зло преступленіе заповѣди отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди господни? Охъ! да только огонь да муки; не знаю, дни коротать какъ. Слабоуміемъ объять и лицемѣріемъ и лжею покрытъ есмь; братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во осужденіи всѣхъ человѣкъ погибаю и, мняся ничто быти я, калъ и гной есмь окаянный, прямое говно, от-

всюду воняю душею и тѣломъ; хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиньями въ конурахъ: также и онѣ воняють, что и моя душа злосмрадною вонеею, да свиньи и пси по естеству, а я отъ грѣховъ воняю, яко песь мертвый, поверженъ на улицѣ града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землю меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей добро такъ! Да и въ темницу то ко мнѣ бѣшеной зашелъ, Кирилушко, московской стрѣлецъ караульщикъ мой: остригъ его азъ и вымылъ, платье перемѣнилъ, зѣло вшей было много; замкнуты мы съ нимъ двое жили и третій съ нами Христосъ и Пречистая Богородица. Онъ миленькой бывало сереть и ссытъ подъ себя, а я его очищаю; ѣсть и пить просить, а безъ благословенія взять не смѣеть, у правила стоять не захочеть: діаволь сонъ ему наводитъ, и я постегаю четками, такъ и молитву творить станеть и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и наки бѣсноватися станеть, при мнѣ бѣснуется и шалуеть а, егда ко старцу пойду, посмотрѣть въ его темницу и его положу на лав-

ку, не велю ему вставать и благословлю его и покаместъ у старца сижу, лежитъ, не встаетъ, Богомъ привязанъ: лежа бѣснуется. А въ головахъ у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квась и прочая, а ничего безъ меня не тронетъ; какъ прійду, встанетъ и діаволъ мнѣ досаждаетъ и блудить заставляетъ; я закричу, такъ и сядетъ. Егда стряпаю, въ то время ясть проситъ и украсть тщится до времени обѣда, а егда предъ обѣдомъ *отче нашъ* проговорю и благословлю, такъ того брашна и не ясть, проситъ неблагословеннаго; и я ему силою въ ротъ напихаю, а онъ и плачетъ и глотаетъ. И какъ рыбою покормлю, тогда бѣсъ въ немъ вздивъячится и самъ изъ него говоритъ: «ты же де меня ослабилъ»; и я, плакав-ся предъ Владыкою, опять постомъ стягну и окрещу его Христомъ, таже масломъ его освятилъ. И отрадилю ему отъ бѣса, жилъ со мною съ мѣсяць и больше, предъ смертию образумился; я исповѣдывалъ его и причастилъ. Онъ же преставился миленкой скоро, и я, гробъ купя и саванъ, велѣлъ погребсти у церкви, попомъ сорокоустъ далъ, лежалъ у меня мертвый сутки и

я, ночью вставъ, помоля Бога, благослова его мертваго и съ нимъ поцѣловався, опять подлѣ его спать лягу: товарищъ мой миленькой былъ. Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я также умру!

Да у меня же былъ на Москвѣ бѣшеной Филиппомъ звали; какъ я изъ Сибири прѣхалъ, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ: гораздо бился и дрался и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный со крестомъ и съ водою прииду, повинень бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ христовымъ и ничего не смѣетъ надо мною дѣлать, и молитвами святыхъ отецъ сила божія отгнала отъ него бѣса, но токмо умъ несовершенъ былъ. Θεодоръ былъ надъ нимъ юродивой приставленъ, что на Мезени вѣры ради христовы отступники удавили; псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ его Ісусовой молитвѣ; а я самъ во дни отлучашеся отъ дому, токмо въ нѣнѣ дѣйствовалъ надъ Филиппомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Θεодора Ртищева зѣло

печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилося нестройство: протопица моя со вдовою домочадицею Фотиніею между собою побранились, діаволь ссорилъ ихъ ни за что. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ, гораздо опечали, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ вздивьялъ въ Филиппѣ: и началъ чель ломать, бѣсясь, и кричать неудобно, на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ и зѣло голка бысть велика. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити; но не бысть по прежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть и всяко меня яко паучину терзаетъ, а самъ говоритъ: «попалъ ты мнѣ въ руки». Я токмо молитву говорю да безъ дѣлъ не пользуется и молитва; домашніе не могутъ отнять, а я и самъ ему отдался, вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ! Но чуденъ Господь: бьетъ и ничто не болитъ! Потомъ бросилъ меня отъ себя, и самъ говоритъ: «не боюсь я тебя»; мнѣ въ тѣ поры горько стало: «бѣсъ, — реку, — надо мною волю взялъ». Полежалъ маленько, съ

совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланяся, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна! прости меня грѣшнаго!» она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фетиньею тѣмъ же образомъ простился; таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20: и жена, и дѣти и всѣ, плачучи, стегали; а я говорю: «аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части въ царствіи небеснѣмъ». И они нехотя бьютъ и плачутъ, а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили и я воставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминуемую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я крестомъ его благословилъ; и онъ по старому хо-рошъ сталъ и потомъ исцѣлѣлъ божіею благо-датію о Христвъ Ісусъ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

А егда я былъ въ Сибири, туда еще ѣхалъ и жилъ въ Тобольскѣ, привели ко мнѣ бѣшенаго, Θεодоромъ звали; жестокъ же былъ бѣсъ въ

немъ: «соблудилъ въ великъ день съ женою своею, наруша праздникъ,—жена его сказывала,—да и взбѣсился». И я въ дому своемъ держа мѣсяца съ два, стужаль объ немъ Божеству: въ церковь водилъ, и масломъ освятилъ и помяловаль Богъ, здравъ бысть и умъ исцѣлѣ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть литургію, во время переноса и досадилъ мнѣ; азъ въ то время побилъ его на крылосѣ и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать къ стѣнѣ и онъ, вышатавъ пробои, пуще перваго взбѣсясь, въ обѣдню ушелъ на дворъ къ большому воеводѣ, и сундуки разломавъ, платье княгинино на себя вздѣлъ, а ихъ разгонялъ. Князь же, осердясь, многими людьми въ тюрьму оттащили; онъ же въ тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ; князь же велѣлъ его въ деревню къ женѣ и дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя въ деревняхъ, велики пакости творилъ; всякъ бѣгаетъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воеводы, осердясь. Я по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. По семъ пришла грамота съ Москвы: велико меня сослать съ Тобольска на Лену, вели-

кую рѣку. И егда въ петровъ день собрался, въ дощеникъ пришелъ ко мнѣ Феодоръ цѣлоуменъ; на дощеникъ при народѣ покланяется на ноги мои и самъ говоритъ: «спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ меня! по пустынь-де бѣжалъ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ и бѣси-де прочь отбѣжали отъ меня и я пришелъ къ тебѣ поклониться и паки прошу благословленія отъ тебя». Азъ же, на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величїи божїи, понеже о всѣхъ насъ печется и промышляетъ Господь: его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. И поуча его, благословя, отпустилъ къ женѣ его и дѣтямъ въ домъ; а самъ поплылъ въ ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божїя свѣта, да сохранитъ его и впредь отъ непрїязни. А назадъ я ѣдучи, спрашивалъ про него, мнѣ сказали: «преставился-де послѣ тебя, года съ три живучи христіански съ женою и съ дѣтьми»; ино и добро, слава Богу о семъ! Простите меня, старецъ съ рабомъ тѣмъ христовымъ; вы мя понудите сіе говорить, а однако ужъ развякался еще повѣсть вамъ скажу.—Какъ въ попахъ еще

быль, тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня въ дому моемъ вдова молодая, давно ужъ и имя ей забыль, помнится Афимьею звали. Ходить и стряпаетъ и все хорошо дѣлаетъ; какъ станемъ въ вечеръ правило начинать, такъ ее бѣсъ ударить о землю, омертвѣетъ вся, яко камень станетъ и не дышитъ, кажется: растянетъ ее среди горницы и руки и ноги, лежить яко мертва. И я *о всепльтую* проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову и молитвы Василиевы въ это время говорю; такъ голова подъ крестомъ и свободна станетъ, баба и заговорить, а руки, и ноги и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукѣ поглажу крестомъ, такъ и рука свободна станетъ; я и по другой, и другая также освободится; и по животу, такъ баба и сядетъ; ноги еще каменны, не смѣю туда крестомъ гладить. Думаю думаю: и ноги поглажу, баба и вся свободна станетъ. Вставше, Богу помолясь да и мнѣ челомъ, прокуда таки ни бѣсъ ни что былъ въ ней, много времени такъ въ ней игралъ; масломъ ея освятилъ, такъ вовсе отогналъ прочь, исцѣленіе

Богъ даль. А иное два Василя у меня бывали прикованы бѣшеные, странно и говорить про нихъ: калъ свой яли.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть? блазновато кажется да было такъ. Въ Тобольскѣ была у меня дѣвица, Анною звали: дочь ми духовная, гораздо о правилѣ прилежала и церковномъ и келейномъ, и всю міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволь добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же возрасла, привезена изъ полону изъ кумыковъ: чистотою дѣвство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благихъ, діаволь окралъ: захотѣла отъ меня отъйти и за перваго хозяина за мужъ пойти и плакать стала всегда. Господь пустилъ на ее бѣса, смиряя ее, понеже и меня не стала слушать ни въ чемъ и о поклонахъ не стала радѣть: егда станемъ правило говорить, она на мѣстѣ станеть, прижавъ руки, да такъ и простоятъ. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нее: въ правилѣ стоящу ей, да и взбѣсится, и мнѣ бѣдному жаль: крестомъ благословлю и водою покроплю, такъ

и отступить отъ нея бѣсъ. И многожды такъ бысть. Она же единаче въ безуміи своемъ и непокорствѣ пребываетъ. Благохитрый же бѣсъ инако ее наказалъ: задремала въ правилѣ да и повалилась на лавку спать и три дни и три нощи спала, не пробудяся; я лишь ее по временамъ кажу спящую, тогда всегда вздохнетъ, чаю умереть; въ 4 день очнулась, сѣла да плачетъ; ясть ей даютъ, не ясть. Егда я правило келейное скончавъ и домочадцевъ, благословя, распустилъ, паки начахъ во тьмѣ безъ огня поклонны класть; она же съ молитвою втай приступила ко мнѣ и пала на ноги мои. И я отъ нея отшедъ, сѣлъ за столъ; и она, приступя паки къ столу и плачущи, говоритъ: «послушай государь! велѣно тебѣ сказать». Я сталъ слушать у нея: «Егда де я въ правилѣ задремала и повалилась приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе и гласы умиленны; потомъ—де меня привели во свѣтлое мѣсто зѣло гораздо красно и показали—де многія красныя жилища и палаты; а всѣхъ—де краше палата неизрѣчен-

ною красотою сіяетъ паче всѣхъ и велика гораздо; ввели-де меня въ нее: ино-де стоятъ столы, и на нихъ послано было, и блюда съ брашнами стоятъ; по конецъ-де стояло древо кудряво, повѣваетъ и красотами разными украшено; въ древѣ-де томъ птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про нихъ сказать, — каковы умильны и хороши; а подержавъ же меня паки изъ палаты повели и сами говорятъ: «знаешь ли, чья палата сія?» и азъ отвѣщала: «не знаю, пустите меня въ нее»; они же отвѣщали: «отца твоего, протопопа Аввакума, палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ показываетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу молясь, и во всемъ не противься ему, такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь; а буде не станешь слушать, такъ будешь въ давишемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе то слышала; скажи же отцу своему; мы не бѣси водили тебя, смотри у насъ папорты, бѣси де не имѣють того, и-я де батюшко, смотрила, бѣло у ушей тѣхъ ихъ.» Да и поклонилася мнѣ, прощенія прося; потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оста-

вилъ ее у сына духовнаго; тутъ хотѣла постри-
щися, а діаволъ опять сдѣлалъ по своему. Пошла
за Елизара за мужъ и дѣтокъ прижила; и по 8
лѣтѣхъ услышала, что я ѣду назадъ, отпросилася
у мужа и постриглася. И какъ за мужемъ была,
по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ
ее. Егда же азъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, за мѣ-
сяцъ до меня постриглася и принесла ко мнѣ
два дѣтища, и, положила предо мною робятишекъ,
плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая
себя. Азъ, предъ челоуѣки смиряя ее, многожды
на нее кричалъ, она же прощается во преступ-
леніи своемъ, каяся предъ всѣми; и егда гораз-
до ее затрудилъ, тогда совершенно простилъ. Въ
обѣдню за мною въ церковь вышла и нападе на
нее бѣсъ во время переноса, учала кричать и
вопить, собакою лаять и козою блекотать, и ку-
кушкою куковать; азъ же сжалихся объ ней: по-
киня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола
крестъ и на крылось взошелъ, закричалъ: «За-
прещаю ти именемъ господнимъ, полно тебѣ
бѣсъ мучить ее; Богъ проститъ ее въ сей вѣкъ
и въ будущій». Бѣсъ же изыде изъ нея. Она же

притече ко мнѣ и пала предо мною за нюже вину; азъ же крестомъ благословя, и съ тѣхъ мѣстъ простилъ, и бысть здрава душею и тѣломъ, со мною и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми моими отъ Павла митрополита на патриарховѣ дворѣ вѣры ради и правости закона; довольно волочили и мучили ее; имя ей во иноцѣхъ Агафія.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ: скорбію одержимы грызною, и мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грызною болѣзнію и я масломъ священнымъ съ молитвою пресвитерскою помажу вся чувства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулятки и божіею благодатию грызная болѣзнь и минуется во младенцѣ. И аще у кого отрыгнетъ скорбь, и я такъ сотворю, и Богъ совершенно исцѣляетъ по своему челоуколюбію. Егда я еще былъ пономъ съ первыхъ временъ, какъ къ подвигу касаться сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице: изнемогла у меня жена гораздо и пріѣхалъ къ ней отецъ духовный; азъ же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь

нощю глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришелъ, стольникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ стольникъ на мѣстъ своемъ. И я, не утрась, помоляся предъ образомъ, осѣнилъ рукою стольникъ и, пришедъ, поставилъ его и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ въ гробѣ стоялъ и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылася доска и саванъ шевелиться сталъ, утрасая меня; азъ, Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все, ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, утрасая меня; азъ же помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ, приступя; а онѣ по старому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское къ намъ! да полно того говорить. Что крестная сила и священное масло надъ бѣшенными и больными не творить божіею благодатію? да намъ надобѣ помнить сіе: не насъ ради, не намъ, но имени своему Господь славу даетъ. А я грязь, что могу сдѣлать, аще

не Христось? Плакать мнѣ подобаеть въ себѣ; Иуда чудотворецъ былъ, да сребролюбія ради ко діаволу попалъ, и самъ діаволь на небѣ былъ, да високоумія ради свержень бысть; Адамъ былъ въ раю; да сластолюбія ради изгнанъ бысть и 5500 лѣтъ во адѣ былъ осужденъ. По семь разумѣя всякъ, да мняйся стояти, блюдется, да ся не падеть; держись за христовы ноги и Богородицѣ молись и всѣмъ святымъ, такъ будетъ хорошо!

Ну, старецъ, моего вяканья вѣдь много ты слышалъ, о имени господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому христову: какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи те тебя яли за тайное—тъ удъ, и какъ бѣсо—тъ дрова тѣ сожегъ и какъ келья—то обгорѣла, а въ ней цѣло все; и какъ ты кричалъ на небо—то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко. Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, елика

сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ Дѣян. зач. 35, и 42, и величашеся имя Господа Ісуса, мнози же отъ вѣровавшихъ приходяху исповѣдающе и сказующе дѣла своя, да и много того найдется въ Апостолѣ и въ дѣяніяхъ. Сказывай не бойся, лишь совѣсть крѣпкую держи, не себѣ славы ищи, говоря но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ христовъ веселится, чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ да помянетъ предъ Богомъ насъ, а мы о чтущихъ и слушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди и будутъ тамъ у Христа а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.